

И. П. ШАСКОЛЬСКИЙ

ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИМЕНИ *РУСЬ* В СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ НАУКЕ

Вопрос о происхождении слова *Русь*, давшего имя одному из крупнейших народов земного шара, уже два столетия привлекает внимание ученых. Особенно интенсивно занимались этой темой сторонники норманской теории; одним из основных положений норманизма с давних пор является утверждение о скандинавском происхождении имени *Русь*.

До первых десятилетий XX в. норманская теория развивалась почти исключительно в пределах России; на Западе ею занимались в XIX в. всего несколько ученых. С начала XX столетия эту теорию стали все шире развивать и поддерживать ученые разных стран Западной Европы и (несколько позднее) Америки. С конца 30-х годов, когда советскими исследователями была доказана научная несостоятельность норманской теории, ее неспособность дать на уровне современной науки решение проблемы происхождения Русского государства и была разработана марксистская концепция о возникновении государства на Руси в результате внутреннего процесса социально-экономического развития восточнославянских земель, норманизм полностью переместился на Запад, целиком стал течением буржуазной историографии Западной Европы и Америки. Роль норманизма стала с этого времени особенно ответственной и значительной: на буржуазных ученых-норманистов легла задача борьбы против одного из основных положений марксистской науки по истории нашей страны. В результате в 40-е — 60-е годы в западных буржуазных странах наблюдается бурный рост норманистской литературы; норманизм пытается перейти в контрнаступление, чтобы любыми средствами отстоять свои позиции, расшатанные исследованиями дореволюционных русских и советских ученых. В многочисленных норманистских статьях и книгах, вышедших в последние два десятилетия, ставятся и общие проблемы норманской теории, и различные частные вопросы; значительная часть этих работ

прямо направлена против советской науки и содержит открытую полемику с трудами советских историков.¹

Большое место в современной норманистской литературе уделяется проблеме происхождения имени *Русь*; этот вопрос рассматривается во многих специальных статьях и почти во всех крупных работах, ставящих общие проблемы норманнской теории. Столь значительное внимание к данной проблеме вполне понятно: для норманистов крайне важно в современных условиях отстоять традиционную концепцию о скандинавском происхождении имени *Русь*. Доказывая, что слово *Русь* первоначально было этническим обозначением норманнов, а затем стало названием Древнерусского государства, норманисты стремятся сделать неизбежным вывод, что Древнерусское государство было названо по имени норманнов, так как оно было *создано* норманнами.²

Поэтому вопрос о происхождении названия *Русь* приобрел важное значение и для норманистов, и для противников норманизма. В марксистской науке за последние два-три десятилетия этот вопрос рассматривался в работах Б. Д. Грекова, В. А. Пархоменко, С. В. Юшкова, М. И. Артамонова, Л. С. Тивериадского, Н. С. Державина, М. Н. Тихомирова, С. П. Толстова, Ш. Н. Третьякова, Д. С. Лихачева, А. Н. Пасонова, Н. В. Пигулевской, Б. А. Рыбакова, В. В. Мавродица, М. В. Левченко, П. Я. Черных, П. Ф. Крапивина.³

¹ Общий обзор и критику современной норманистской литературы см.: П. П. Ш а с к о л ь с к и й. 1) *Норманская теория в современной буржуазной науке*. М.—Л., 1965; 2) *Норманская теория в современной буржуазной историографии*. История СССР, 1960, № 1, стр. 223—236; I. P. S c h a s k o l s k i. Die Normanntheorie in der modernen bürgerlichen Geschichtsschreibung. Sowjetwissenschaft/Gesellschaftswissenschaftliche Beiträge, 1960, H. 9, SS. 993—1017.

² Норманисты хотят тем самым доказать, что норманны-русь, создав восточнославянское государство, передали ему свое племешное имя: выражение «государство Русь» будто бы первоначально означало «государство, созданное и руководимое норманнами-русью». См., например, об этом: G. S t ö k l. Russische Geschichte von den Anfängen bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1962, S. 39.

³ Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь. М., 1939, стр. 225—227 (последнее издание: Б. Д. Г р е к о в, Избр. труды, т. II, М., 1959, стр. 355—358); В. А. П а р х о м е н к о. К вопросу о «норманском завоевании» и происхождении Руси. Историк-марксист, 1938, № 4, стр. 109—111; С. В. Ю ш к о в. 1) К вопросу о происхождении русского государства. Ученые записки Московск. юрид. инст., 1940, вып. 2, стр. 38—59; 2) Общественно-политический строй и право Киевского государства. М., 1949, стр. 44—63; 3) История государства и права СССР, ч. I. М., 1950, стр. 66—70; М. И. А р т а м о н о в. 1) Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. Краткие сообщения ИИМК, вып. VI. М.—Л., 1940, стр. 12—13; 2) История хазар. Л., 1962, стр. 289—293, 383—384; Л. С. Т и в е р и а д с к и й. К вопросу о происхождении Руси в связи с этногенезом славян. Истор. записки, № 13, М., 1942, стр. 40—53; Н. С. Д е р ж а в и н. Происхождение русского народа. М., 1944, стр. 52—85; М. Н. Т и х о м и р о в. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля». Сов. этнография, вып. VI—VII.

В народно-демократической Польше этим вопросом занимался Г. Ловмянский.⁴

Однако полемическая часть работ большинства названных авторов имела существенный недостаток — незнакомство с современной норманистской литературой по данной теме и, особенно, с работами современных (и не только современных) норманистов-языковедов.⁵ Критикуя норманистскую концепцию происхождения имени *Русь*, наши исследователи представляют себе эту концепцию до крайности упрощенно, в том виде, в каком она излагалась в сочинениях середины и второй половины прошлого века; многочисленные современные норманистские работы (и, шире, норманистские сочинения первой половины и середины XX в.), пытающиеся вновь обосновать и развить традиционную концепцию и заменившие ее простую первоначальную схему большими и сложными научными построениями, оставались до сих пор вне поля зрения наших ученых.⁶ Не удивительно, что критические выступления наших ученых в адрес норманистской концепции не давали полного эффекта: ведь в них обычно подвер-

М., 1947, стр. 60—80; С. П. Толстов. Из предистории Руси. Там же, стр. 39—58; П. П. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1948, стр. 108—110; Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. II. М.—Л., 1950, Комментарий, стр. 238—244; А. Н. Пасонопов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951, стр. 9—46; Н. В. Пигулевская. Имя «Рус» в сирийском источнике VI в. н. э. В сб.: Академику Б. Д. Грекову к 70-летию, М., 1952, стр. 42—48; Очерки истории СССР. IX—XIII вв. М., 1953, стр. 76—79; Б. А. Рыбаков. 1) Древние руссы. Сов. археология, XVII, М., 1953, стр. 23—104; 2) Образование древнерусского государства. М., 1955, стр. 38—41; 3) Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 294—298, 353; В. В. Мавродин. 1) Очерки истории СССР. Древнерусское государство. М., 1956, стр. 92—94; 2) Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия». Л., 1958, стр. 5—26; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 34—35; П. Я. Черныш. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956, стр. 99—101; П. Ф. Крапивин. Нахождение назвау «Русь», «Белая Русь», «Черная Русь» і «Чырвоная Русь». Весті Акадэміі навук Беларускай ССР, серыя грамадскіх навук, 1956, № 3, стр. 53—57; Очерки истории СССР. III—IX вв. М., 1958, стр. 740—748, 754, 755, 763—771, 786, 787 и др. См. также: А. П. Дьяконов. Известия Псевдо-Захарии о древних славянах. Вестн. древней истории, 1939, № 4, стр. 83—90; М. Я. Сюзюмов. К вопросу о происхождении слов *Рѹс*, *Рѹсѣ*, Россия. Там же, 1940, № 2, стр. 121—123.

⁴ H. Łowmiański. 1) Zagadnienie roli normanów w genezie państw słowiańskich. Warszawa, 1957, s. 124—161; 2) O znaczeniu nazwy «Rus» w wieku X—XIV. Kwartalnik historyczny, 1957, № 1, ss. 84—101.

⁵ К сожалению, это общий недостаток многих наших работ, посвященных полемике с норманизмом; как правило, в них критикуется «норманизм вообще», понимаемый главным образом в плане норманской теории XIX в., а не конкретная современная норманистская историография.

⁶ Недостаточное знание современной буржуазной литературы пришло к нашим авторам и прямой ущерб: они лишены были возможности пользоваться всем арсеналом данных, привлеченных в настоящее время для изучения этой проблемы.

гались критике не современные работы, а то примитивное построение (о происхождении имени *Русь* от названия *Рослаген*), от которого давно отказались сами норманисты.

Давно уже назрела необходимость дать с позиций марксистской науки критический разбор современной буржуазной научной литературы по проблеме происхождения имени *Русь*.

Существующие сейчас в буржуазной науке трактовки данной проблемы можно условно разделить на две группы:

1) основанная на материалах языкознания традиционная концепция о происхождении названия *Русь* от финского «*Ruotsi*» — имени, которым финны называли норманнов, шведов; ее поддерживают и развивают скандинавские лингвисты Экблом, Стендер-Петерсен, Хьерне, Экбу, Мягисте и др.;

2) новые концепции о норманском происхождении имени *Русь*, разработанные зарубежными историками-норманистами Дрейером, Пашкевичем, Смаль-Стоцким, Вернадским.

Все эти авторы сходятся на том, что имя *Русь* являлось первоначально или на определенном этапе обозначением норманнов.

Ниже будут рассмотрены и традиционная концепция происхождения слова *Русь* от финского *Ruotsi*, и все самостоятельные трактовки этой проблемы, выдвинутые за последние два десятилетия.

* * *

Одной из основ норманской теории была концепция о скандинавском происхождении имени *Русь*, возникшая еще в конце XVIII в. и окончательно разработанная в XIX в. «классиками» норманизма А. А. Куником и В. Томсеном. Эта концепция уже более ста лет используется норманистами и всегда считалась одним из наиболее веских и убедительных доказательств норманского происхождения Русского государства.⁷ В настоящее время, в период глубокого кризиса норманизма, когда ученые-норманисты мобилизуют все свои ресурсы для борьбы против марксистской науки, традиционная концепция скандинавского происхождения имени *Русь* ввиду ее кажущейся убедительности оказалась особенно нужна.

Начало этой концепции было положено в 70-е годы XVIII в. И. Тунманом, впервые обратившим внимание на то, что финны и эсты называют шведов именем *Ruotsi*. По мнению Тунмана, славяне впервые узнали о существовании шведов от своих западных соседей, финнов и эстов, и заимствовали от них и название швед-

⁷ В обобщающей статье «Варяжский вопрос» крупнейший современный норманист Стендер-Петерсен назвал эту концепцию «особенным достижением» (mesterstykke) норманской теории (A. Stender-Petersen. *Varaeger-spørgsmålet*. Viking, 1959, Bd. XXIII, s. 46).

ского народа *Ruotsi*, давшее в славянском языке форму *Русь*.⁸ Эта точка зрения была далее развита Шлёцером, обратившим внимание на название шведской приморской области *Roslagen*, от имени которой, по его мнению, могло образоваться финское *Ruotsi* и славянское *Русь*.⁹

Дальнейшая разработка была проведена крупнейшим русским норманистом XIX в. академиком А. А. Куником. В сочинении «Призвание шведских родов» Куник впервые сформулировал то историко-лингвистическое построение, которое в основных чертах фактически сохранялось в норманистской литературе до настоящего времени.¹⁰ По мнению Куника, финны и эсты Балтийского побережья раньше всего должны были столкнуться с той частью шведского населения, которая жила ближе всего к ним, в расположенной против юго-западной Финляндии и Эстонии шведской прибрежной области *Roslagen*; по имени жителей этой области **Rōdhsin* (от формы ед. ч. **Rōdhs*), искусственно реконструируемому Куником,¹¹ финны и эсты стали называть вообще население Швеции. От шведского **Rōdhs*, по Кунику, произошло финское *Ruotsi* с его диалектными формами *Ruossi*, *Ruohti*, *Ruotti* и с особенно близкой к **Rōdhs* эстонской формой *Roots*¹² (все перечисленные формы имеют одно и то же значение 'швед'). От финнов и эстов существовавшее уже в их языках название шведов *Ruotsi* было заимствовано славянами и при переходе в славянский язык (особенно если исходной формой было диалектное восточнофинское *Ruossi*) дало форму *Русь*. Само название **Rōdhs*, по мнению Куника, произошло от имени существительного *roder* — 'весло', 'гребля'; отсюда название *Rodslagen*, или *Roslagen*, должно было первоначально означать 'община гребцов'.¹³

⁸ J. Thunmann. Ueber einige Gegenstände der Russischen Geschichte. In: J. Thunmann. Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker, I. Leipzig, 1774, SS. 374—378.

⁹ A. L. Schlözer. Nestor, I. Göttingen, 1802, S. 179.

¹⁰ E. Kunik. Die Berufung der schwedischen Rodsen durch die Finnen und Slaven, I. СПб., 1844, стр. 67—70, 89—96, 163—167.

¹¹ Ни в одном скандинавском письменном источнике не встречается форма **Rōds* (*Rōdhs*) как имя жителей *Roslagen*.

¹² Куник указывает еще (в качестве дополнительного доказательства) на близость эстонской формы *Roots* и греческой 'Ρωσ, а также арабской формы *Rūs*, подчеркивая, что во всех трех случаях имелся долгий звук *o* или *u* (E. Kunik. Die Berufung. . ., S. 164).

¹³ Кстати говоря, Тунман, Шлёцер и Куник не были в полном смысле первооткрывателями этой концепции: еще в XVII в. подобную мысль высказал шведский ученый И. Буреус, который в своем словаре древнешведского языка выводил финское слово *Ruotsolainen* — 'швед', производное от *Ruotsi* — 'Швеция', от древних названий области *Roslagen* *Rohden* и *Rodhslagen*, а эти названия — от *ro* — 'грести' и *rodher* — 'гребец' (J. V. G. U. s. Götisk och Gammalsvenskt Lexicon. Рукопись, хранящаяся в Королевской библиотеке в Стокгольме, стр. 356; цит. по: G. H. afström. Roden och Roslagen. Årsbok 1951/1952, utgiven av Seminarierna i slaviska språk vid Lunds universitet. Lund, 1957, s. 123).

Дальнейшее усовершенствование этой концепции было произведено другим «классиком» норманизма XIX в., крупнейшим датским филологом Вильгельмом Томсеном.¹⁴ В отличие от Куника, недостаточпо знакомого со скандинавской филологией, Томсен прекрасно сознавал, что в старошведском языке нет такого слова, от которого прямо и с полной очевидностью могла произойти финская форма *Ruotsi*; ему пришлось разработать очень сложное лингвистическое построение, чтобы более или менее убедительно доказать возможность происхождения финского *Ruotsi* от названия области Рослаген.

Томсен отметил, что термин *Roslagen* появился сравнительно поздно и финское слово *Ruotsi* могло образоваться лишь от более древней формы названия той же области *Rofer*; ¹⁵ собственное имя *Rofer*, по мнению Томсена, произошло от аналогично звучащего слова *rofer* — ‘гребля’, ‘плавание’.¹⁶ От названия *Rofer* или от слова *rofer* Томсен производит слова **roßsmenn*, **roßskarlar*, **roßbyggjar*,¹⁷ означавшие сперва просто ‘гребцы’, ‘мореплаватели’, а впоследствии получившие значение ‘жители области

¹⁴ В сочинении «Начало Русского государства», изданном на английском (1877), немецком (1878), шведском (1882) и русском языках; ссылки даются по русскому изданию (М., 1891). Спустя 42 года после первого (английского) издания, пересмотрев некоторые свои положения в свете новейших данных, автор опубликовал свое сочинение в 5-й раз, на датском языке (W. T h o m s e n. Det russiske Rigets Grundlaeggelse ved Nordboerne. Samlede Afhandlinger, I. København, 1919, ss. 231—414). К страницам сочинения, излагающим его концепцию происхождения названия *Русь*, Томсен сделал для издания 1919 г. лишь несколько несущественных добавлений, сохранив дословно все основное, что было в первоначальном варианте работы (см. там же, стр. 341—348). Он был до конца жизни убежден в правильности своего построения и не считал нужным реагировать на критические замечания, высказанные в 1915 г. шведским лингвистом Экбломом (об этом см. ниже).

¹⁵ В. Т о м с е н. Начало Русского государства, стр. 84—85. Рослаген в средневековой Швеции был приморской областью, жители которой в военное время должны были поставлять корабли; повинность по поставке кораблей для морского ополчения во время войны объединяла население данной области и отличала Рослаген от внутренних шведских земель (там же, стр. 84; S. T u n b e r g. Till Svearikets äldsta historia. «Fornvännen», 1920, ss. 150—165; G. H a f s t r ö m. Roden och Roslagen, ss. 114—123; H. Ł o w m i a n s k i. Zagadnienie roli normanów. . . , s. 138; см. особенно всестороннее исследование истории этой области в раннем средневековье: E. H j a g n e. Roden. Namn och Bygd, 1947, ss. 1—96). Отсюда следует, что образование такой области со специально военной функцией могло произойти только после создания и упрочения государства в Швеции, т. е. не раньше X—XI вв. Поскольку слово *Русь* употреблялось уже в первой половине IX в., очевидно, что оно не могло произойти от позднее возникшего названия (точное, от названия позднее сформировавшейся области) *Рослаген*.

¹⁶ В. Т о м с е н. Начало Русского государства, стр. 84—86.

¹⁷ Слова **roßsmenn*, **roßskarlar* и **roßfolk* сохранились в современном норвежском языке в несколько изменившихся формах *Rossmann* (*Rorsmann*), *Rosskar* (*Rorskar*), *Rosfolk* (*Rorsfolk*); слово **roßbyggjar* сохранилось в современном шведском языке в форме *Rospiggjar* (W. T h o m s e n. Det russiske Rigets. . . , ss. 344—345).

Roþer'; от первой части какого-то из названных выше составных слов — от *roþs*- (с отпадением второй части этого слова), по мнению Томсена, произошло финское *Ruotsi*.¹⁸

При переходе от финского в славянский язык форма *Ruotsi* должна была, по Томсену, дать форму *Русь* так же, как финское *Suomi* при переходе в славянский язык дало форму *Сумь* (дифтонг *uo* перешел в долгое *y*, конечное *i* дало при переходе мягкий знак).¹⁹

Концепция, разработанная Куником и Томсеном, с тех пор прочно вошла в норманистскую историографию и уже более ста лет пользуется наибольшим влиянием среди историков и языковедов-норманистов. За тот же более чем столетний период было выдвинуто много других норманистских и ненорманистских гипотез о происхождении имени *Русь*, однако все остальные гипотезы и концепции XIX и первых десятилетий XX в. не получили сколько-нибудь заметного признания среди исследователей, в большинстве поддерживались только самими их авторами и представляют лишь историографический интерес. Из всех гипотез и построений XIX в. сохранила значение только концепция Куника—Томсена, использовавшаяся и поддерживавшаяся многими поколениями русских и зарубежных норманистов.²⁰ Это построение пользуется наибольшим признанием в норманистской историографии и в наши дни; в частности, почти все буржуазные историки-норманисты, касавшиеся данного вопроса, целиком

¹⁸ В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 84—87. Томсен привел и ряд других примеров, когда при усвоении составного слова из какого-либо языка в финский язык заимствуется лишь первая часть слова, а не все слово полностью (там же, стр. 87).

¹⁹ Там же,

²⁰ В частности, ее признавали А. А. Шахматов (1) Сказание о призвании варягов, СПб., 1904, стр. 56—67; 2) Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пгр., 1915, стр. XXI, XXIX; 3) Введение в курс истории русского языка, ч. I, Пгр., 1916, стр. 67—70; 4) Древнейшие судьбы русского племени, Пгр., 1919, стр. 52, М. К. Любавский (Лекции по древней русской истории до конца XVI вв., М., 1916, стр. 80), С. Ф. Платонов (Лекции по русской истории, Пгр., 1917, стр. 65—66), А. Е. Пресняков (Вильгельм Томсен о древнейшем периоде русской истории, в кн.: Памяти В. Томсена. К годовщине со дня смерти, Л., 1928, стр. 39—46), Ф. А. Браун (Варяги на Руси, Беседа, 1925, № 6—7, Берлин, стр. 321—325) и др. Выражая мнение, господствовавшее в первые десятилетия XX в. среди большинства русских ученых, А. Е. Пресняков в цитированной выше статье (Вильгельм Томсен. . . , стр. 42) писал, что предложенное Томсеном построение (о происхождении имени *Русь*) «остается непоколебленным». К аналогичному выводу (независимо от Преснякова) пришел и В. А. Мошин в докладе о современном состоянии норманского вопроса на I съезде славянских филологов в Праге в 1929 г. («В вопросе о происхождении русского имени до сих пор остается неизбывным. . . воззрение об образовании имени *Русь* из финского термина *Ruotsi*. . .», — см.: В. А. Мошин. Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы. Sjezd slovanských filologů, I. Praha, 1929, Sborník prací I Sjezdu, Sv. 2, Praha, 1932, стр. 616; ср.: В. А. Мошин. Начало Руси. Норманны в Восточной Европе. Byzantinoslavica, ročník III, Praha, 1931, стр. 35).

или в основном поддерживают концепцию Куника—Томсена.²¹ Чисто языковедческие коррективы, внесенные в данную концепцию Томсенom, учитывались с тех пор преимущественно языковедами; большинство историков-норманистов, использовавших ее в общем плане, не вдаваясь в лингвистические тонкости, продолжало и после Томсена (и продолжает до сих пор) возводить финское *Ruotsi* к шведскому названию *Roslagen* (что, как уже говорилось выше, явно невозможно).

В послевоенные годы с поддержкой традиционной концепции происхождения имени *Русь* выступили самые крупные западноевропейские языковеды, занимающиеся данной проблематикой, — Стендер-Петерсен, Экблом, Фальк,²² а также Хьерне, Хафстрём,

²¹ S. Cross. The Scandinavian infiltration into early Russia. *Speculum*, 1946, v. XXI, № 4, pp. 510—511; F. Dvornik. The Kiev state and its relations with Western Europe. *Trans. Royal Hist. Soc.* 1947, IV ser., v. XIX, p. 31; F. Balodis. *Handelswege nach dem Osten und die Wikinger in Russland*. Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademiens handlingar, Del 65, 1948, s. 363; F. Dvornik. The Making of Central and Eastern Europe. London, 1949, pp. 63, 313; H. Melberg. Origin of the Scandinavian Nations and Languages. I. Halden (Norway), 1951, pp. 195—197; S. H. Cross and O. Sherbowitz-Wetzor. The Russian Primary Chronicle. Cambridge, 1953, Introduction, pp. 47—49; M. Florinskij. Russia: A History and an Interpretation, v. I. N. Y., 1953, p. 9; F. Dvornik. The Slavs, their Early History and Civilisation. Boston, 1956, p. 194; E. G. Oxenstierna. 1) Die Nordgermanen. Stuttgart, 1957, S. 135; 2) Die Wikinger. Stuttgart, 1959, S. 72; C. Grimberg. Svenska folkets underbara öden, bd. I. Stockholm, 1959, s. 198; S. Carlsson och J. Rosén. Svensk historia. Delen I. Stockholm, 1961, s. 74; J. D. Clarkson. A History of Russia. N. Y., 1961, p. 28; B. Pares. A History of Russia. London, 1962, p. 54; W. Kirchner. A History of Russia. N. Y., 1962, p. 9; G. Stökl. Russische Geschichte. . . SS. 38—41; A. Henrikson. Svensk historia, Bd. I. Stockholm, 1964, s. 60. Полностью или с оговорками поддерживают эту концепцию и наиболее крупные современные норманисты — А. Стендер-Петерсен (A. Stender-Petersen. 1) The Varangian Problem, в кн.: *Varangica*, Aarhus, 1953, pp. 7, 12—14, 19; 2) Zur Rus' Frage. Там же, стр. 79—84; 3) Четыре этапа русско-варяжских отношений. Там же, стр. 242—245; 4) Das Problem der ältesten byzantinisch-russisch-nordischen Beziehungen. *Relazioni del X Congr. Intern. di Sci. Storiche*, v. III, Firenze, 1955, S. 178; 5) *Russian Studies*, Aarhus, 1956, pp. 31—40, глава «The Origin of Russian Ethnic Names»; 6) *Rune-staven fra Ladoga*. Kuml, 1958, Aarhus, 1959, ss. 121—122; 7) Ладожская руническая надпись — свидетельство о доисторической Руси. Kuml, 1958, Aarhus, 1959, стр. 128—131; 8) *Varaegerspørgsmålet*, ss. 46—47; 51; 9) *Der älteste russische Staat*. *Hist. Zeitschr.*, 1960, Bd. 91, H. 1, SS. 11—13; 10) Ответ на замечания В. В. Похлебкина и В. Б. Вилинбахова, Kuml, Aarhus, 1960, стр. 145—146) и Х. Арбман (H. Arbman. 1) *Svear i österviking*. Stockholm, 1955, s. 20, — указываются в то же время и слабые стороны этой концепции; 2) *The Vikings*. London, 1961, p. 90). См. также: M. Vasmer. *Russisches etymologisches Wörterbuch*, Bd. II. Heidelberg, 1955, s. 551; P. H. Sawyer. *The Age of the Vikings*. London, 1962, p. 46.

²² См. работы А. Стендер-Петерсена, цит. в прим. 21, а также: R. Ekblom. *Roslagen-Rußland*. *Zeitschr. für slavische Philol.*, 1957, Bd. XXVI, H. 1, SS. 47—58. К. О. Фальк. Доклад о происхождении имени «Русь» в Филол. обществе в Лунде 1 XI 1956 (не опубликован).

Экбу и Мягисте.²³ Из работ этих исследователей должна быть прежде всего отмечена статья Экбу, подводящая итоги изучению данного вопроса в плане названной концепции за последние годы; в статье содержится обстоятельный и весьма объективный разбор последних лингвистических построений и сделаны весьма любопытные общие выводы, о которых будет речь дальше.

Из перечисленных авторов наиболее категорически настроен Стендер-Петерсен, который считает «вопрос о происхождении термина Русь окончательно решенным».²⁴ Он резко критикует все другие существующие концепции происхождения этого термина (в том числе и принятую большинством советских ученых концепцию о возникновении его на юге России), и «единственно приемлемым с точки зрения строгой филологии» считает традиционное построение Куника—Томсена, выводящее термин *Русь* из шведского языка через посредство финнов.²⁵

Однако и Стендер-Петерсен в трактовке этой проблемы не вполне ортодоксален; он должен был учесть результаты исследования Р. Экблома, еще в 1915 г. выявившего уязвимые стороны построения Томсена.²⁶ Стендер-Петерсен показывает, что обычный вариант традиционной концепции, выводящий имя *Русь* от названия шведской прибрежной области Рослаген, в настоящее время уже не выдерживает строгой языковедческой критики. Согласно старой трактовке, как уже говорилось, термин *Русь* восходил к древней форме названия области Рослаген — к слову *Rōþer*; предполагалось, что от этого слова было образовано название гребцов или моряков с побережья упомянутой области — **rōþs-karlar*, **rōþs-maen*, **rōþs-byggjar*, а от первой части какого-то из этих слов финны по законам своего языка образовали краткую форму *Ruotsi*.²⁷ Однако, как отмечает (вслед за Экбломом) Стендер-Петерсен, в таком построении есть «один серьезный недочет. Приходится предположить, что в указанных словах типа **rōþs-byggjar* содержится форма род. падежа *rōþ(er)s*, но на деле форма род. падежа от названия *Rōþer* должна бы звучать *Rōþar*. Эта форма никак не совместима с формами типа **rōþs-byggjar*».²⁸

²³ Н. H j ä r n e. Roden. Namn och Bygd, 1947, ss. 28—60; G. H a f s t r ö m. Roden och Roslagen, ss. 120—122; S. E k b l o. Om ortnamnen Roden och därmed sammanhängande problem. Arkiv nordisk filol., 1958, Bd. 73, H. 3—4, ss. 187—199; J. M ä g i s t e. Fi. Ruotsi, estn. Roots m. m. i de finsk-ugriska språken. Там же, стр. 200—209.

²⁴ А. С т е н д е р - П е т е р с е н. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 242.

²⁵ Там же, стр. 244; ср.: там же, стр. 79. Почти столь же решительно настроен и Экблом (R. E k b l o m. Roslagen-Rußland, S. 57).

²⁶ R. E k b l o m. Rus- et vareg- dans le noms de lieux de la région de Novgorod. Archives d'Etudes Orientales, Vol. XI. Stockholm, 1915, p. 9.

²⁷ В. Т о м с е н. Начало Русского государства, стр. 84—87.

²⁸ А. С т е н д е р - П е т е р с е н. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 244. Ср.: А. S t e n d e r - P e t e r s e n. 1) Zur Rus'Frage,

Стендер-Петерсен (развивая мысли Экблома) показывает несостоятельность и другого варианта той же концепции, согласно которому исходным словом для форм **roþs-byggjar* и т. д. было не название области, а слово *roþer* — 'гребля', 'судоходство', 'плавание'.²⁹ Прежде всего форма род. падежа от слова *roþer*, как же, как и от названия *Roþer*, будет *roþar*, а не *roþ(er)s*, как полагали авторы этого построения. Кроме того, при исходной форме *roþer* — 'гребля' не могло бы возникнуть составное слово **roþs-byggjar* (оно должно было бы буквально означать 'гребные жители' или 'жители-гребцы', что совершенно невозможно по смыслу).³⁰

Языковедческая аргументация Экблома и Стендер-Петерсена в обоих случаях настолько убедительна (и настолько убийственна для традиционной концепции), что к ней невозможно что-либо добавить.³¹

Ввиду явной несостоятельности традиционного построения норманистами были предприняты «героические» меры для спасения этой концепции, имеющей столь важное значение для всего здания норманской теории. Языковеды-норманисты принялись искать древнешведское слово с тем же корнем *rōþ-*, которое в род. падеже безусловно имело окончание *-s*, т. е. давало форму **rōþ(r)s* (из которой только и могло быть выведено финское *Ruotsi*).

Первую попытку найти удовлетворительное решение этой лингвистической задачи и тем самым вывести традиционную кон-

S. 80; 2) *Russian Studies*, p. 35; Ср. также: R. Ekblom. 1) *Rus- et vareg-. . .*, p. 9; 2) *Roslagen-Rußland*, SS. 49, 54; H. Hjårne. *Roden*, s. 32; S. Ekblom. *Om ortnamnen Roden. . .*, s. 196.

²⁹ В. Томсен. *Начало Русского государства*, стр. 84.

³⁰ А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 244; A. Stender-Petersen. 1) *Zur Rus'Frage*, S. 80; 2) *Russian Studies*, p. 35. Ср.: R. Ekblom. *Rus- et vareg-. . .*, p. 9.

³¹ Нужно только отметить, что слабые стороны традиционной концепции обнаружались уже довольно давно, вскоре после ее создания, и главный основатель этой концепции А. А. Кушник стал вскоре одним из первых ее критиков, а затем совсем отказался от нее, убедившись в ее несостоятельности; см. его Прибавления к сочинению С. А. Геденова «Отрывки из исследований о варяжском вопросе» (Приложение к т. I «Записок Академии наук», 1862, № 3, стр. 122); см. также: А. А. Кушник. Дополнения к сочинению Б. Дорна «Касий». Записки Академии наук, 1875, № 1, Приложение к т. XXVI, стр. 54, 437, 441, 670—672. В частности, в последней из названных работ он на основании лингвистического анализа прямо сделал вывод, что «необходимо отказаться от всякой мысли о генетической связи между формой множ. ч. *Röskarlär*, *Rodsmaen*, *Ruodspiggana*, *Rospiggar. . .* и формой *Рōс* (да финским собирательным именем *Röts-i*)» (там же, стр. 441). Непрочность данной концепции была видна и другому «классику» норманизма XIX в., В. Томсену (*Начало Русского государства*, стр. 84—87). Тем не менее она господствовала вплоть до самого последнего времени в норманистской историографии и особенно признанием пользовалась у авторов, не вдававшихся в лингвистические подробности и использовавших лишь основную линию данного построения — выведение слова *Русь* через финское *Ruotsi* — *Roslagen* или *Roþer*.

цепцию из тутика предпринял в 1915 г. Экблом;³² в предложенном им варианте он старался избежать явных столкновений с законами лингвистики, имевшихся в прежних вариантах. В последние годы построение Экблома получило энергичную поддержку со стороны Стендер-Петерсена.³³ С новым обоснованием своего построения выступил через 42 года после опубликования первой статьи на эту тему и сам Экблом.³⁴

По мнению Экблома, исходной формой для финского *Ruotsi* послужило старосведское слово *rōber*³⁵ (соответствующее древнеисландскому *rōðr*), которое в род. падеже давало *rōbers*; *r* в последнем слоге формы род. падежа легко отпадало, и получалась форма **rōb(r)s-*, от которой образовались составные слова **rōbsbyggjar*, **rōbs-maen* и др.³⁶ *Rōber* означало буквально 'дорога, или путь, где можно грести [плыть на веслах]', 'неглубокое морское пространство', или 'фарватер',³⁷ 'пролив между островами', 'защищенное место для плавания',³⁸ 'район гребного фарватера',³⁹ 'сравнительно открытые прибрежные воды с защищенным выходом в открытое море и с водными путями внутрь страны'.⁴⁰ Соответственно с этим, словами **robsbyggjar*, **robs-maen*, согласно данной концепции, называли людей, которые жили в этих *robrar* или плавали по ним; **robs-maen* и т. п. названия должны были означать 'люди проливов',⁴¹ а в переносном смысле — 'жители шхер и побережья средней Швеции'.⁴²

³² R. E k b l o m. *Rus- et vareg. . .*, pp. 6—10 (см. также: R. E k b l o m. *Ortnamns vittnesbörd om svenskarnas tidiga förbindelser med slaver och halter. Språkvetenskapliga sällskapet i Uppsala förhandlingar 1940—1942. Uppsala, 1942, s. 149*).

³³ А. Стендер-Петерсен (A. Stender-Petersen). 1) Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 244; 2) *Zur Rus'Frage*, SS. 80—81; 3) *Russian Studies*, p. 35; 4) *Runestaven fra Ladoga*, s. 121; 5) Ладожская руническая надпись, стр. 128—129.

³⁴ R. E k b l o m. *Roslagen-Rußland*, SS. 47—58.

³⁵ Предложенное Экбломом в 1915 г. слово *rober* в имен. падеже ед. числа писалось так же, как и слово *rober*, предложенное в свое время Томсеном, но имело другой корень: в первом случае — корень *robr* (и потому в род. падеже — *robrs*), во втором случае — корень *rob-* (и в род. падеже — *robar*).

³⁶ R. E k b l o m. *Rus- et vareg-. . .*, pp. 9—10.

³⁷ Там же, стр. 9; A. Stender-Petersen. *Zur Rus'Frage*, S. 80.

³⁸ А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 244.

³⁹ Т. е. 'район фарватера для гребных судов' — *Bezirk eines Ruderfahrwassers* (R. E k b l o m. *Roslagen-Rußland*, SS. 47, 53).

⁴⁰ Там же, стр. 55.

⁴¹ По сведениям Экблома, в некоторых местностях северной Норвегии еще в начале XX в. прибрежных жителей и рыбаков называли *rorsfolk*, *rorsmaen* в значении 'жители проливов', 'прибрежные жители' (R. E k b l o m. *Rus- et vareg-. . .*, p. 9).

⁴² R. E k b l o m. *Roslagen-Rußland*, SS. 48—51, 53. Стендер-Петерсен также считает, что слово **robs-karlar* (или **robs-maen*) означало

Вернувшись спустя 42 года к исследованию данного вопроса, Экблом (не оговаривая, что он вносит усовершенствование в свое построение) предложил несколько иную транскрипцию исходной формы: вместо *roþer* (в статье 1915 г.) другую форму того же слова, в имен. падеже ед. числа, — *rōþra*, с тем же корнем *roþr-* и с тем же смысловым значением.⁴³ Все остальное содержание построения Экблома осталось без изменений и было лишь еще более развито и аргументировано.⁴⁴ Экблом твердо считает, что из формы род. падежа **rōþ(r)s* (производимой им теперь от формы *rōþra*) образовалась первая часть составного слова **rōþ(r)s-byggjar*, соответствующего современному шведскому слову *rospiggjar*, и что около начала IX в. из первой части этого составного слова возникло древнефинское **Rōtsi (Ruotsi)*, а из последнего — восточнославянское слово *Русь*. В конце своей второй статьи Экблом выразил глубокое убеждение в том, что его построение дает единственно правильное решение вопроса, что оно не имеет уязвимых мест и что никакого другого решения этого вопроса быть не может.⁴⁵ Его мнение, как уже говорилось, разделяет и поддерживает Стендер-Петерсен.⁴⁶

В отличие от прежнего варианта традиционной концепции происхождения имени *Русь*, несостоятельность которого стала достаточно очевидной, построение Экблома на первый взгляд давало довольно успешное решение сложной и дискуссионной историко-лингвистической проблемы. Однако оно не получило общего признания в среде норманистов; по сведениям самого Экблома, к данному построению, кроме Стендер-Петерсена, присоединился еще только шведский историк Свен Тунберг.⁴⁷ Остальные буржуазные языковеды-норманисты не поддержали построение Экблома, а некоторые из них (Хьерне, Хафстрём) выдвинули самостоятельные варианты решения этого вопроса. Уже сам факт весьма прохладного отношения большинства языковедов-норманистов к построению Экблома свидетельствует о том, что оно даже с норманистских позиций не представляется достаточно убедительным.

'жители проливов' (А. Стендер-Петерсен. Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 244), или 'люди, живущие на защищенных водных путях' (А. Стендер-Петерсен. Ответ на замечания В. В. Похлебкина и В. Б. Вилинбахова, стр. 151).

⁴³ R. E k b l o m. Roslagen-Rußland, S. 47.

⁴⁴ Там же, стр. 47—51, 53—58.

⁴⁵ Там же, стр. 57.

⁴⁶ Стендер-Петерсен считает гипотезу Экблома «гениальной» (Ладожская руническая надпись, стр. 129—130). Построение Экблома послужило Стендер-Петерсену исходным пунктом для создания общей исторической концепции о происхождении Руси и Русского государства; критику этой концепции см.: И. П. Ш а с к о л ь с к и й. Норманская теория в современной буржуазной науке, стр. 182—206.

⁴⁷ S. T u n b e r g. Till Svearikets äldsta historia, s. 165.

Против гипотезы Экблома выступил в 1947 г. шведский лингвист и историк Хьерне, указавший прежде всего, что трудно предположить, чтобы название какой-то территории суши (а следовательно, и людей, на ней живущих) могло возникнуть от слова, имевшего значение 'пролив', 'фарватер'.⁴⁸ Кроме того, по словам Хьерне, эта гипотеза совершенно не учитывает то особое положение, которое занимала область Рослаген (Роден) в деле формирования шведского морского ополчения (*leding*).⁴⁹ Хьерне показывает также несостоятельность попытки Экблома обосновать свою трактовку слова *rōþra* примерами из современного норвежского языка: все приводимые Экбломом современные норвежские слова, по весьма убедительному мнению Хьерне, явно восходят к древнорвежскому *rōðr* с значением 'гребля'.⁵⁰

Считая гипотетическое построение Экблома неубедительным, Э. Хьерне предложил в 1947 г. другой вариант решения вопроса о происхождении имени *Русь* в плане традиционной норманистской концепции;⁵¹ с лингвистической стороны он близок к построению Экблома. Полностью соглашаясь с произведенной Экбломом критикой конкретного лингвистического построения Томсена,⁵² Хьерне выдвинул новое языковедческое построение, которое, по его мнению, должно спасти общую концепцию Куника—Томсена.

Хьерне считает, что исходной шведской формой для финского *Ruotsi* послужило слово **rōþr* — '(гребное) судно', '(гребной) корабль', дававшее в род. падеже форму **rōþrs*.⁵³ В основу своей гипотезы Хьерне положил два древних западноскандинавских текста (исландский XI в. и норвежский XIII в.), в которых сохранилось слово *rōðr* в род. падеже; в обоих случаях, по его мнению, это слово имеет значение 'судно', 'корабль'.⁵⁴ Предположив, что то же слово в том же значении могло существовать в древности и в восточной части Скандинавии — в Швеции, Хьерне производит от него уже упоминавшиеся неоднократно составные слова **rōþ(r)sfolk*, **rōþ(r)smaen*, **rōþ(r)skarlar*, означавшие в этом случае буквально 'корабельные люди' (*skeppsfolk*), 'мо-

⁴⁸ E. Hjärne. Roden, s. 36.

⁴⁹ Там же. Ледунг — своеобразная форма морского ополчения, для его формирования население должно было в случае войны поставлять корабли и воинов-моряков. Во второй статье Экблом постарался учесть замечание и сблизить свою позицию в данном пункте с позицией Хьерне (R. Ekblom. Roslagen-Rußland, SS. 55—56); однако эта часть аргументации Экблома не имеет прямого отношения к его основному построению.

⁵⁰ E. Hjärne. Roden, ss. 34—36; правильность мнения Хьерне подтверждает и Экбу (S. Ekbo. Om ortnamnen Roden. . ., ss. 195, 196).

⁵¹ E. Hjärne. Roden, ss. 28—60.

⁵² Там же, стр. 32—33.

⁵³ Там же, стр. 44, 48—51, 54—57.

⁵⁴ Там же, стр. 44—48.

ряки' и т. п. и прилагавшиеся к шведам, плававшим в Восточную Европу.⁵⁵

От того же **rōþr* в значении 'судно', 'корабль' Хьерне производит и древнее название области Рослаген — *Roþ(r)in*. Хьерне указывает, что в средневековой Швеции в пределах территории, поставившей морское ополчение (ледунг), словом *skip* — 'судно' обозначался отдельный район, население которого должно было снарядить и снабдить людьми для ополчения одно судно; такой район назывался иначе *skeppslagen*.⁵⁶ По мнению Хьерне, подобный район могли называть и словом **rōþr* (поскольку это слово, по Хьерне, также значит 'корабль'). Когда прибрежные районы, обязанные поставлять корабли, стали заметно отличаться от внутренних шведских районов, должно было возникнуть общее для прибрежных районов, происходящее от **roþr*, название *Roþrin*, а позднее — название *Roþslaghin (Roslagen)* в значении 'корабельный закон', 'область корабельного закона'.⁵⁷ Соответственно, по мнению Хьерне, названия жителей этой области **rōþskarlar*, **rōþsmaen*, **rōþsbyggjar* сперва означали *skeppslagskarlar*, *skeppslagsmän*, *skeppslagsbyggjar*, т. е. 'люди [области] корабельного закона', в отличие от жителей внутренних районов, не обязанных поставлять корабли. С упрочением общего для данной области названия *Rōþ(r)in* эти термины стали означать 'жители области Роден'.⁵⁸

Последние ступени построения Хьерне уже ничем не отличаются от традиционного построения Томсена: предполагается, что от первой части какого-либо из составных слов **rōþskarlar*, **rōþsmaen*, **rōþsbyggjar* возникло финское **Rōtsi (Ruotsi)*, а из **Rōtsi (Ruotsi)* — восточнославянское *Русь*.

Таким (крайне сложным и заумным) путем Хьерне попытался связать в одной гипотезе и искусственно реконструируемое им слово **rōþr* — 'корабль', и название области *Roþrin — Roslagen*, представив их как исходные формы для финского *Ruotsi* и славянского *Русь*.

Построение Хьерне подверглось основательной критике со стороны Экблома. Прежде всего Экблом весьма убедительно показал ошибочность исходного пункта всего этого сложного построения. Путем филологического разбора обоих западноскандинавских текстов он установил, что в обоих случаях слово *roþr* не имеет значения 'судно' (в первом случае *roþr* означает 'уключина', во втором — 'гребля'). Кроме того, ни в одном из герман-

⁵⁵ Там же, стр. 49—50, 60.

⁵⁶ *Skeppslagen* буквально означает 'корабельный закон', т. е. закон о поставке кораблей; отсюда в переносном смысле возникло название административного района, который должен был по данному закону поставлять один корабль.

⁵⁷ E. Hjärne. Roden, ss. 50—56.

⁵⁸ Там же, стр. 60.

ских языков нет слова, имеющего значение 'судно' и содержащего корень *rōþ-*.⁵⁹

Критикует построение Хьерне и Г. Хафстрём. Он указывает, что гипотетически реконструируемое Хьерне слово **rōþr* в значении 'корабль' не известно в пределах древнешведской языковой области.⁶⁰

К аргументам Экблома и Хафстрёма можно еще добавить, что от слова **rōþr* в значении 'судно' не могла бы по смыслу образоваться форма **rōþs-byggjar*, ибо слово 'судно' не может сочетаться со словом 'жители'. Весьма сомнительной считает гипотезу Хьерне и шведский языковед С. Экбу, не вдающийся в более подробную аргументацию.⁶¹

Еще одну попытку дать оригинальное решение той же лингвистической задачи сделал шведский ученый Г. Хафстрём в статье «Роден и Рослаген».⁶² Хафстрём производит древнее название области Рослаген *Rop(r)in* от формы *rōþer* с корнем *rōþ-* и считает, что это слово означало первоначально 'водное пространство, через которое выступало в поход [в море] морское ополчение [ледунг]'.⁶³ Гипотеза Хафстрёма была сразу же подвергнута критике со стороны Экблома, указавшего, что, поскольку здесь берется в основу форма *rōþer* с корнем *rōþ-*, автор гипотезы не учитывает достижений современного языковедения и возвращается к состоянию данного вопроса во времена Томсена.⁶⁴

Наиболее осторожный из шведских языковедов, занимавшихся данным вопросом, С. Экбу в отличие от своих коллег не произносил громогласных деклараций о том, что именно им найдено единственно правильное решение, но и он в цитированной выше статье, дав разбор и критику построений Томсена, Экблома и др., сделал попытку дать собственное толкование той же лингвистической задачи.

По мнению Экбу, если думать, что финская форма *Ruotsi* могла возникнуть из составных слов, происшедших из формы рода падежа *rōþs* от слова *rōþer*, то можно гипотетически предположить существование еще нескольких составных слов, сходных со словами, используемыми в построениях Томсена, Экблома, Хьерне; это — предлагаемые Экбу слова **rōþsaeggjar* — 'гребец', 'воин

⁵⁹ R. Ekblom. Roslagen-Rußland, SS. 52—53. С мнением Экблома по поводу данной гипотезы полностью согласился и А. Стендер-Петерсен (A. Stender-Petersen. Runestaven fra Ladoga, s. 121).

⁶⁰ R. Hafström. Roden och Roslagen, s. 121.

⁶¹ S. Ekbo. Om ortnamnen Roden. . ., s. 196; см. также: там же, стр. 190, 195.

⁶² G. Hafström. Roden och Roslagen, ss. 120—122; под тем же названием вышла его статья в газете «Svenska Dagbladet» от 28 VIII 1956.

⁶³ G. Hafström. Roden och Roslagen, ss. 121—122.

⁶⁴ R. Ekblom. Roslagen-Rußland, S. 50. С его критикой данной гипотезы согласен и А. Стендер-Петерсен (A. Stender-Petersen. Runestaven fra Ladoga, s. 121).

гребного плавания', 'спутник', 'товарищ', **roþsaessar* — 'человек, который сидит рядом на гребной скамье', или **roþswear* — 'шведы-гребцы' (возможно, таково было наименование воинов шведского морского ополчения ледунга или шведских викингов). Правда, Экбу трезво оценивает доказательную силу своих предположений и тут же добавляет: «...но мы были достаточно долго в трясине гипотез. Нам неизвестно, существовали ли подобные составные слова в VII или VIII вв., и мы не можем решительно утверждать, что подобные составные слова в это время могли быть переданы через прибалтийско-финское **rōtsi*». ⁶⁵

Экбу указывает и на другую возможность (которая ему представляется даже более вероятной) — что прибалтийско-финское **rōtsi* возникло из старейшей формы самого древнешведского слова *roþer* — 'гребля'; при этом можно было бы исходить из реально существовавшего слова, а не из искусственно реконструируемых составных слов. Экбу высказывает предположение, что слово *roþer* — 'гребля' могло ранее иметь и специальное значение — 'морской поход', 'поход ледунга' (морского ополчения) или же 'флот викингов', 'флот ледунга', подразумевая также и участников похода или обладателей флота. Как исходную форму для финского слова Экбу предлагает реконструируемые им древние формы от слова *roþer* — **rōþuz*, **rōðuz*, **rōþuR*, **rōðuR* (**roþR*), **rōðr*. ⁶⁶ Далее в статье приводятся мнения некоторых исследователей фонетики древних скандинавских языков о том, как до IX в., примерно в VI—VIII вв., произносился конечный звук приведенного слова, и делается осторожный вывод, что «если вместе с названными учеными считать, что форма *rōðr* в VII или VIII вв. еще произносилась с конечным *z*, этот звук по-фински, разумеется, должен был бы передаваться через *s*» ⁶⁷ (и тогда из *rōðr* при переходе в финский язык получалось **rōtsi*). Данную гипотезу Экбу считает наиболее вероятной из всех существующих гипотез. ⁶⁸

Критическая оценка первой из приведенных гипотез была дана самим ее автором. Существование предлагаемых автором составных слов и их смысловые значения слишком гипотетичны, и правильность или вероятность этих предположений ничем не может быть доказана. Особенно натянутой, целиком искусственной конструкцией является мысль о том, что предположительно суще-

⁶⁵ S. E k b o. Om ortnamnen Roden. . . , ss. 196—197.

⁶⁶ Там же, стр. 197.

⁶⁷ Там же, стр. 199. В разбор довольно детальных рассуждений автора по вопросам фонетики мы здесь не вдаемся, предоставляя это лингвистам.

⁶⁸ В заключение своей статьи Экбу пишет, что «среди до сих пор предлагавшихся построений, видимо, менее всего придется опираться на почву воздушных конструкций, если предположить, что слово *roþer* «как самостоятельное слово в его древнейшей форме послужило источником для прибалтийско-финского **rōtsi*. . .» (там же, стр. 199).

ствовавшее слово **rōþswear* было наименованием шведских викингов, или воинов шведского морского ополчения — ледунга. Здесь все — сплошной домысел, не подтверждаемый никакими фактами.

Вторая из приведенных гипотез немногим лучше, хотя она с лингвистической стороны обоснована более старательно. Предполагаемые Экбу смысловые значения слова *rōþer* — ‘морской поход’, ‘поход ледунга’ или ‘флот викингов’, ‘флот ледунга’ — чистой воды гипотезы, которые опять-таки не подкреплены (т. е. не могли быть подкреплены) никакими фактами, никакими текстами из источников.⁶⁹ Да и трудно (и даже невозможно) предположить, чтобы название народа или на первом этапе населения какой-то области могло возникнуть от слова, означающего ‘морской поход’ или ‘флот’, и что слово *rōþer* означало не только ‘поход’ или ‘флот’, но и людей, участвующих в данном морском походе или плывущих на флоте. Это насаивание одной гипотезы на другую, притом обе гипотезы являются чисто умозрительными конструкциями автора и совершенно недоказуемы. Кроме того, предлагаемая Экбу этимология слова *rōþer* находится в противоречии с историко-фонетической частью данной гипотезы. Экбу предполагает по фонетическим данным, что переход слова *rōþer* в древнефинское **rōtsi* произошел в VI—VIII вв., но в таком случае слово *rōþer* не могло иметь значения ‘поход ледунга’, ‘флот ледунга’, ибо (как уже выше говорилось) морское ополчение, или ледунг, — явление, по всей видимости, довольно позднее и могло возникнуть лишь в условиях сформировавшегося государства, не ранее IX—X вв.

Фонетические доказательства данного построения гоже весьма уязвимы. От времени до IX в. в Швеции (и в других скандинавских странах) сохранилось небольшое количество письменных памятников — рунических надписей,⁷⁰ и можно лишь предположительно говорить о том, как в VI—VIII вв. произносились те или иные согласные звуки. Мнения исследователей древнескандинавских языков, на которые ссылается Экбу, гипотетичны и не могут быть точно доказаны; впрочем, это ясно и самому Экбу, который и вторую свою гипотезу резюмировал в весьма осторожной и предположительной форме.

Таковы выдвинутые в последнее время буржуазными учеными-скандинавистами лингвистические построения, таковы попытки дать правильное решение основного исходного момента традиционной концепции — найти ту форму старосведского языка, от

⁶⁹ Напомним, что автор одного из ранее выдвинутых построений, Э. Хьерне, жестоко раскритикованный Экбу (и Экбломом), по крайней мере пытался (хотя и неудачно) подкрепить свое толкование слова **rōþer* текстами из источников. Экбу не делает и этого, ибо источники не дают подтверждения его мнению.

⁷⁰ М. И. Стеблин — Каменицкий. История скандинавских языков. М.—Л., 1953, стр. 18.

которой с очевидностью могло произойти прибалтийско-финское **rōtsi*, в свою очередь давшее в восточнославянском языке форму *Русь*.

Рассмотрение приведенных построений, и в частности критика каждого из построений другими буржуазными учеными-лингвистами, достаточно ясно показывают, что в настоящее время в лингвистическом плане решение данного вопроса представляется не более легким, а все более сложным, чем 80—100 лет тому назад, во времена Куника и Томсена (подробнее общая характеристика и оценка будут даваться ниже).

* * *

Важной составной частью традиционной норманистской концепции является предположение о переходе от некоей исходной формы древнешведского языка в прибалтийско-финскую форму **rōtsi* (*Ruotsi*) и отсюда — в восточнославянскую форму *Русь*. Сам вопрос о переходе данного слова из шведского языка в финский и из финского в восточнославянский изучался буржуазными языковедами — скандинавистами и финноугроведами. Анализ указанной выше прибалтийско-финской формы во всех ее вариантах производился уже в плане буржуазной финно-угорской филологии.

Лингвист-финноугровед Ю. Мягисте (эмигрировавший в годы второй мировой войны из Эстонии) взял на себя рассмотрение с позиций современного финно-угорского языкознания (точнее, с позиций буржуазной части этого языкознания) формы *Ruotsi*.⁷¹ В своем изложении Мягисте является последователем традиционной концепции, однако он сохранил необходимую меру научной объективности и показал некоторые слабые стороны этого построения.

Мягисте прежде всего отметил, что в отличие от языковедов-скандинавистов, не удовлетворившихся построением В. Томсена и искавших новые пути для доказательства происхождения имени *Русь* из шведского языка через финское *Ruotsi*, лингвисты-финноугроведы были полностью удовлетворены трактовкой, данной В. Томсеном в 70-е годы прошлого века, и повторяли эту трактовку в своих сочинениях.⁷²

Мягисте подробно перечислил все формы в финно-угорских языках, восходящие к форме *Ruotsi* в значении 'швед', 'Швеция'.⁷³

⁷¹ J. M ä g i s t e. Fi. *Ruotsi*. . ., ss. 200—209.

⁷² E. N. S e t ä l ä. Bibliographisches Verzeichniss der in der Literatur behandelten älteren germanischen Bestandteile in den ostseefinnischen Sprachen. Finnisch-ugrische Forschungen, 1913, Bd. XIII, S. 444; T. E. K a r s t e n. Die Germanen. Berlin, 1928, S. 144, и др.

⁷³ J. M ä g i s t e. Fi. *Ruotsi*. . ., ss. 201—204. Даем эти формы в сокращенном объеме, указывая только главные.

В прибалтийско-финской группе финно-угорских языков такие формы содержат финский язык: *Ruotsi* — 'швед', 'Швеция', 'шведский народ', 'шведский [язык]'; карельский язык (собственно карельский и ливвиковский диалекты): *Ruotts* (*Ruotchi*) — 'Финляндия', 'финн';⁷⁴ людиковский диалект карельского языка: *ruofš'* — 'финн', 'лютеранин', 'Финляндия', 'Швеция'; водский язык: *ruotts* — 'Швеция', 'швед'; эстонский язык: *Roofs* — 'Швеция', 'шведский'; ливский язык: *rüofšli* — 'швед', *rüofšmo* — 'Швеция'.⁷⁵ Отсюда Мягисте заключает, что термин *Ruotsi* был древним обозначением для слов 'Швеция' и 'швед' для всей области прибалтийско-финских языков.⁷⁶

Мягисте приводит и производимые обычно от прибалтийско-финского **rōtsi* аналогичные термины, имеющиеся в других финно-угорских языках (принадлежавших народам, соседствовавшим с прибалтийско-финскими народами), — в саамском (лопарском) языке и в пермских языках (коми и удмуртском). Опираясь на мнения нескольких буржуазных лингвистов-финноугроведов, Мягисте пытается показать, что анализ этих форм дает некоторые косвенные аргументы в пользу традиционной норманистской концепции происхождения имени *Русь*.

В различных диалектах саамского языка,⁷⁷ родственного прибалтийско-финским языкам, имеется несколько форм, связанных с формой *Ruotsi*. Так, в диалектах саамов Норвегии известны формы *ruos'sä* — 'русский', *Ruos'sä* — 'Россия', но есть и формы

⁷⁴ В представлении карел, подвластных с древнейших времен Русскому государству, Финляндия и ее население, с XII—XIII вв. подвластные шведам, рассматривались на протяжении многих веков как часть шведского государства, и потому финнов карелы называли *Ruotts*, т. е. подданными Швеции.

⁷⁵ Правда, в водском и ливском языках одновременно существует и другая форма, происходящая из русского (в водском и латышском (в ливском) языков: водское *šveta* и ливское *svieder* — 'швед'; однако эта форма имеет более позднее происхождение.

⁷⁶ J. Mägiste. Fi. *Ruotsi*, . . . s. 201. Неясно лишь, имелась ли подобная форма в вепском языке (писатели которого занимали юго-восточную окраину прибалтийско-финской языковой области). Томсен, основываясь на сведениях, собранных в середине XIX в. финским филологом Альтвистом (Kieletär, toimittanut A. Ahlqvist. I. Helsingfors, 1873, ss. 5, 23), приводит соответствующую форму и для вепского языка: *Ruotš* — 'житель Финляндии', 'финляндец' (В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 91, прим. 21). Но в современной лексике вепского языка, по данным Мягисте (J. Mägiste. Fi. *Ruotsi*, . . . s. 201), подобной формы нет. Как сообщил нам советский исследователь вепского языка М. М. Хямяляйнен, данные Альтвиста (приведенные нами выше) не очень надежны; однако отсутствие подобной формы в современном языке вепсов — народа, имевшего небольшой контакт со шведами лишь много столетий тому назад, в IX—XI вв., не может свидетельствовать, что такой формы вообще не было в этом языке, она могла просто не сохраниться до нашего времени.

⁷⁷ У саамов так и не сложился единый язык, под условным термином «саамский язык» понимается совокупность ряда диалектов, на которых говорят саамы.

ruottä, ruossä со значением 'шведский язык', 'Швеция'. В диалектах саамов северной Швеции и северной Финляндии имеются формы *rüö.s.s^a*, *rüö.s.s^a* — 'русские', но у саамов северной Швеции есть и форма *russ* — 'русский'. В диалектах саамов СССР (Мурманской области) есть форма *rü'tts* — 'финн'.⁷⁸ По мнению Мягисте, формы *russ, ruottä, rü'tts* возникли сравнительно позднее и происходят из шведского (форма *russ*⁷⁹), финского (*ruottä*⁸⁰) и карельского (*rü'tts*⁸¹) языков. Более древней Мягисте считает форму *ruos'sä*. Мягисте целиком принимает мнение современного финляндского исследователя саамского языка Э. Итконена, согласно которому эта форма происходит от прибалтийско-финского **rötsi* (*Ruotsi*) и заимствована еще в те времена, когда саамы жили значительно южнее, у Ладожского озера.⁸² Первоначально (приблизительно в IX в.) термином *ruos'sä* приладожские саамы (по примеру своих тогдашних прибалтийско-финских соседей) называли варягов-шведов, но затем вследствие постепенного ославянивания варягов термины *Ruotsi* = *Русь* и происходящий от них термин *ruos'sä* приобрели новое значение, сохраненное в саамских диалектах до наших дней.⁸³ Иными словами, норвежско-саамская диалектная форма *ruos'sä*, по мнению Итконена и Мягисте, будто бы является сохранившимся в саамском языке свидетельством о происшедшем в IX—X вв. в Приладожье изменении значения слова **rötsi* (*Ruotsi*), первоначально бывшего (в финских и саамском языках) племенным названием варягов-шведов,

⁷⁸ J. M ä g i s t e. Fi. *Ruotsi*, . . . s. 202. См. также: K. N i e l s e n. Lappisk ordbok, Bd. III. Oslo, 1938, ss. 337, 340; E. L a g e r c r a n t z. Lappischer Wortschatz, Bd. II. Helsinki, 1939, ss. 752, 754; T. I. I t k o n e n. Koltan- ja Kuolanlappin sanakirja, I. Helsinki, 1958, ss. 458—459.

⁷⁹ Форма *russ* в диалектах саамов северной Швеции действительно явно происходит от существующей в шведском языке с XIV—XV вв. формы *ryss* — 'русский' и не имеет никакой связи с прибалтийско-финским *Ruotsi*.

⁸⁰ Формы *ruollä, ruossä* — 'шведский язык', 'Швеция' в диалектах саамов Норвегии действительно скорее всего происходят из финского *Ruotsi*, имеющего те же значения, и явно заимствованы норвежскими саамами у финнов, поскольку норвежские саамы относительно поздно (не ранее XIV—XV вв.) встретились со шведами.

⁸¹ Указываемая в работе Мягисте имеющаяся в диалектах кольских саамов форма *rü'tts*, а также имеющиеся в тех же диалектах формы *rüö'tts^A*, *rüö'tts* (A) в значении 'финн' (T. I. I t k o n e n. Koltan- ja Kuolanlappin sanakirja, I, s. 459) действительно скорее всего происходят от карельской формы *Ruotitsi*, имевшей то же значение — 'финн', 'Финляндия'; кольские саамы заимствовали у своих более южных карельских соседей представление о финнах как о народе, находящемся в подданстве Швеции. В карельском языке это представление могло возникнуть в XII—XIII вв., в кольских саамских диалектах — соответственно позднее.

⁸² Саамы (лопь) действительно жили в небольших количествах в I и начале II тысячелетия н. э. вокруг Ладожского озера и на всем пространстве современных Карелии и Финляндии до крайнего севера Европы, что подтверждается письменными источниками и топонимикой.

⁸³ J. M ä g i s t e. Fi. *Ruotsi*, . . . s. 202; E. I t k o n e n. Lappalaisten esihistoriaa valaisevia sanoja. Helsinki, 1946, s. 403.

а позднее, вследствие ославянивания в IX—X вв. варягов и варяжского государства, ставшего названием славянского Русского государства и его населения.

Попытка Э. Итконена и Ю. Мягисте использовать данные саамских диалектов для подкрепления норманской теории не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики. В Приладожье и на территории современных Карелии и Финляндии жили в I тысячелетии н. э. разбросанные на огромном пространстве редкие и малочисленные группы саамов, впоследствии ассимилировавшиеся карельским и финским населением. Современные саамы, живущие на Кольском полуострове и на севере Швеции, Норвегии и Финляндии, являются потомками не всего древнего саамского населения Северной Европы (в том числе Приладожья), а в основном лишь древнего саамского населения тех же территорий Крайнего Севера; прямой преемственной связи между саамами южного Приладожья IX—X вв. и живущими севернее на 1000 км (и более) современными саамами Кольского полуострова и Финмаркена скорее всего быть не могло, а следовательно, нельзя всерьез в явлениях современных саамских диалектов искать явления, возникшие на 1000 лет ранее в диалектах приладожских саамов. Формы *ruoš'sā*, *Ruoš'sā* в значении 'русский', 'Россия' в современных диалектах саамов Кольского полуострова и норвежского Финмаркена не надо возводить к далекому Приладожью IX—X вв., а правильное связывать с исторической действительностью тех же территорий Крайнего Севера более позднего времени. Известно, что все саамское население Кольского полуострова и норвежского Финмаркена с XIII в. платило дань русским данщикам⁸⁴ и с этого времени было хорошо знакомо с понятиями *русский* и *Русь* (позднее *Россия*). Скорее всего именно к XII—XIII вв., ко времени появления русских в северных саамских землях, и надо относить возникновение в диалектах кольских и норвежских саамов слов, обозначающих русских и Русь.⁸⁵

В пермских языках — коми (зырянском) и удмуртском, также имеются формы, производимые языковедами от прибалтийско-финского **rōtsi*. Опираясь на мнение финского буржуазного

⁸⁴ И. П. Шаскольский. Договоры Новгорода с Норвегией. Истор. зап., № 14, М., 1945, стр. 52—61.

⁸⁵ Показательно, что эти слова (*ruoš'sā*, *Ruoš'sā*) зафиксированы в диалектах только тех саамских областей Кольского полуострова и норвежского Финмаркена, которые с XIII в. платили дань Руси, и не зафиксированы в саамских диалектах севера Швеции и Финляндии, да которые в XIII—XVI вв. не распространялся сбор русскими дани. Наличие в указанных формах шипящих звуков *š's*, возможно, указывает, что они проникли в саамские диалекты через посредство более южных соседей, карел (для языка которых типично наличие шипящих); формы *ruoittā*, *ruossa*, *ru'uts*, напротив, проникли к саамам через посредство финнов, для языка которых типично наличие свистящих согласных.

лингвиста Уотила,⁸⁶ Мягисте полагает, что формы коми языка *rots, rotš* — 'русский' и удмуртского языка *djuŕš, djus, džutš* с тем же значением происходят от **rotsi* и были заимствованы около 900 г., «когда норманны в России еще назывались прибалтийскими финнами **rōtsi*». По приводимому Мягисте мнению Уотила, коми впервые познакомились с норманнами и с обозначающим их словом **rōtsi* через посредство вепсов, у которых в городе Белоозеро, согласно летописи, княжил швед Синеус,⁸⁷ из коми языка данное слово затем проникло в удмуртский. Далее предполагается, что после ославянивания норманнов и превращения норманнского государства в славянское имя норманнов было перенесено на восточных славян — русских. Иными словами, и пермские языки, по мнению Уотила и Мягисте, дают косвенное подтверждение, что словом **rōtsi* первоначально называли норманнов, пришедших в IX в. из Швеции в земли восточных славян и их прибалтийско-финских соседей.⁸⁸ Сходной точки зрения придерживается и финский лингвист Тойвонен, с той лишь разницей, что, по его мнению, данное слово проникло из прибалтийско-финских в пермские языки не через посредство вепсов, а через посредство карел.⁸⁹

Уязвимой стороной этого построения является используемая в нем датировка: на основе данных современного коми языка (письменности у коми до XIV в. не существовало) совершенно невозможно установить с точностью до столетия, когда именно было впервые заимствовано указанное слово, а построение как раз исходит из того, что заимствование произошло в ограниченный период (вторая половина IX в.), от момента прихода норманнов (якобы создавших Русское государство) до времени их ославянивания. Поскольку же применяемая авторами построения датировка взята совершенно произвольно и никак не может быть доказана, все построение повисает в воздухе. По всей видимости, слово *rots, rotš* в коми языке с самого начала было наименованием русских.

Лингвистическая близость форм коми языка *rots, rotš* и самской диалектной формы *ruoš'sā* к прибалтийско-финскому **rōtsi* могла быть вызвана тем, что от близких по звучанию, но различных

⁸⁶ Т. Е. Uotila. Lehnwörter des Permischen. Journ. Soc. Finno-ougrienne, 1943—1944, № 52, S. 8.

⁸⁷ Там же; J. M ä g i s t e. Fi. Ruotsi, . . . s. 203.

⁸⁸ Впервые подобная гипотеза была высказана более ста лет тому назад известным финно-угроведом И. А. Шёгреном (J. A. Sjögren. Die Syrjänen. In: J. A. Sjögren. Gesammelte Schriften. Bd I. St.-Petersb., 1861, SS. 416—417); в начале XX в. сходное мнение высказывал Х. Якобсон (H. J a c o b s o n. Die ältesten Berührungen der Russen mit den nordostfinnischen Völkern und der Name der Russen. Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wiss. Göttingen, Philol.-hist. Klasse, 1918, SS. 309—312).

⁸⁹ Y. H. T o i v o n e n. Syrjäänien suhteista länteen. Virittäjä, 1946, s. 397.

по значению и по происхождению форм **rōtsi* и *Русь* в среде языков одной и той же финно-угорской языковой семьи могли образоваться весьма сходные по звучанию (хотя и изначально разные по значению) языковые формы.

Специально рассматривается несколькими буржуазными лингвистами вопрос о возможностях перехода из некоей формы древнешведского языка в прибалтийско-финское **rōtsi*.

В свое время основному создателю традиционной концепции В. Томсену казалось, что подобный переход может быть очень легко доказан. Как уже говорилось, согласно его концепции (поддерживаемой в этой части почти всеми сторонниками данной концепции) исходной формой для прибалтийско-финского **rōtsi* послужила первая часть (*rō̄fs-*) от какого-то из составных древнешведских слов (от **rō̄fsmaen*, или **rō̄fskarlar*, или **rō̄fsfolk* и т. д.); вторая часть составного слова при переходе в финский язык отпала. В качестве доказательства Томсен привел несколько шведских составных слов, перешедших в финский язык с аналогичным отпадением второй части слова: из шведского *riksdaler* — финское *riksi*, из шведского *hovman* — финское *huovi*, из *timmerman* — *timperi* и из *batsman* — *puosu*.⁹⁰

Однако, как правильно отметили и Мягисте, и Экбу, все приведенные Томсеном примеры перехода составных слов из шведского в финский язык относятся к значительно более позднему времени и потому не вполне убедительны.⁹¹ Мягисте, правда, тут же старается смягчить этот вполне объективный вывод, так как «нельзя в то же время считать исключенным, чтобы подобная тенденция» (к отпадению второй части составного слова при переходе из шведского в финский язык) могла существовать в прибалтийско-финских языках еще в IX в. и даже ранее.⁹² Кроме того (опять-таки ради смягчения своего ранее высказанного мнения), Мягисте высказывает предположение, что из шведского составного слова **rō̄fsmaen* и т. п. могло в прибалтийско-финских языках образоваться первоначально тоже составное слово по типу современного эстонского *Rootsi-meel* — ‘швед’ (*meel* — ‘человек’, ‘мужчина’), а затем вторая часть составного слова отпала.⁹³ Однако это предположение, особенно предположение о возможности позднейшего отпадения второй части слова, автором не подтверждалось какими-нибудь конкретными датированными фактами.

Уязвимым местом построения Томсена и его последователей является также наличие в форме **rōtsi* конечного звука *i*. Как правильно отмечает Экбу, среди слов финского языка, заимство-

⁹⁰ В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 87.

⁹¹ J. Mägiste. Fi. *Ruotsi*, ... s. 205; S. Ekbo. Om ortnamnen Roden. . . , s. 199.

⁹² J. Mägiste. Fi. *Ruotsi*, ... s. 205.

⁹³ Там же.

ванных в тот же период из скандинавских языков, нет ни одного, в котором к окончанию имен. падежа, имевшемуся в исходной скандинавской форме, было бы добавлено *i*. Эмбу пытается объяснить это обстоятельство тем, что вообще известно мало скандинавских заимствований в финском языке, относящихся к тому же времени — к VII—VIII вв. (большинство заимствований относится или к значительно более раннему, или к значительно более позднему периодам), и потому можно предполагать наличие в то время и других заимствованных слов, оканчивавшихся на *i*, которые могли отмереть или измениться.⁹⁴ Однако подобное предположение также не может быть подтверждено какими-либо конкретными фактами.

Из соображений по данному вопросу, приведенных в цитированной выше статье Мягисте, можно заключить, что, по его мнению (высказываемому в осторожной форме), заимствованное слово **rōtsi* скорее могло проникнуть в прибалтийско-финские языки в более раннее время, а не в VII—VIII вв., как предполагалось до сих пор. Мягисте считает прибалтийско-финскую форму **rōtsi* с основой на *i* довольно древней, хотя она и не может быть старше времени около начала нашей эры; подобный тип с основой на *i* можно отнести к прибалтийско-финскому праязыку, из которого развились все позднейшие прибалтийско-финские языки. Среди многих прибалтийско-финских заимствований из германских языков, произведенных на рубеже и в первые века нашей эры, доминируют слова, получившие в прибалтийско-финском языке основу на *i*; к числу этих слов могло, по-видимому, относиться и **rotsi*. Не желая подчеркивать расхождение своих языковедческих соображений с традиционным норманистским воззрением о переходе слова **rōtsi* из скандинавских в прибалтийско-финские языки в VII—VIII вв., накануне начала варяжских походов в восточнославянские земли, Мягисте осторожно заключает, что указанное слово могло принадлежать к германским заимствованным словам в прибалтийско-финских языках периода I тысячелетия н. э.⁹⁵ Но из предшествующего изложения явствует, что, по лингвистическим данным, наиболее вероятным представляется заимствование этого слова в первые века нашей эры.⁹⁶

Проявляемая Мягисте осторожность в датировке вполне понятна: для норманистской концепции крайне нежелательно относить заимствование слова **rōtsi* в прибалтийско-финские языки

⁹⁴ S. Ekbo. Om ortnamnen Roden. . . , s. 199.

⁹⁵ J. Mägiste. Fi. *Ruotsi*, . . . , ss. 205—207.

⁹⁶ В прошлом аналогичное мнение о заимствовании финнами слова *Ruotsi* в глубокой древности (а не в VII—VIII вв.) высказывал в своих поздних работах А. А. Куник (см.: А. А. Куник. 1) Дополнения к сочинению Дюрна «Каспий», стр. 437; 2) Известия Аль-Бекри о Руси и славянах, ч. 2. СПб., 1903, стр. 99).

к более раннему времени, чем VII—VIII в. н. э., ибо большая древность заимствования снижает доказательность всех норманистских построений, связанных с предполагаемым переходом из шведского **rōþsmen*, **rōþskarlar* и т. п. в прибалтийско-финское **rōtsi* и восточнославянское *Ручь*.

Имеющиеся трудности в трактовке указанного перехода из форм скандинавских языков в форму **rotsi* вынуждают поставить вопрос о возможности иного решения задачи: не могло ли слово **rōtsi* быть исконным финно-угорским словом. Этот вопрос также разбирается в работе Мягисте.

Слово **rōtsi* встречается только в прибалтийско-финских языках; в остальных финно-угорских языках оно является очевидным заимствованием. В прибалтийско-финских языках имеется несколько слов с весьма близкими корнями: финское *ruota*, *ruoto* — ‘рыбья кость’, ‘планка’, ‘стержень’, *ruotia*, *ruotsia* — ‘чистить рыбу’, ‘отделять кости’; эстонское *rood*, южноэстонское *roots* — ‘твердое, защищающее изнутри более слабые внешние части’, и т. д. Финское *ruoto* и эстонское *rood* рассматриваются некоторыми учеными как древнескандинавское заимствование, но данное мнение нельзя считать доказанным, вполне возможно, что это — исконные прибалтийско-финские слова. Мягисте обращает особенное внимание на южноэстонское *roots* и финский глагол *ruotsia*, которые, по-видимому, происходят от корня *rōtsa-*, и считает весьма вероятным, что этот корень с *ts* существовал на довольно ранней стадии в прибалтийско-финских языках. Прибалтийско-финское **rōtsi* могло быть, по мнению Мягисте, производным словом от корня *rōtsa*.⁹⁷ Правда, автор в конце оговаривается, что «подобное истолкование все же должно считаться довольно ненадежным, и к нему можно [будет] обратиться лишь тогда, когда со скандинавской стороны будет окончательно отвергнута каждая скандинавская этимология для названия **rōtsi*»; пока же Мягисте считает по-прежнему более вероятным скандинавское происхождение этого слова.⁹⁸

Процитированные оговорки вполне естественны для буржуазного ученого, лично более симпатизирующего старой норма-

⁹⁷ По мнению Мягисте (J. M ä g i s t e. Fi. *Ruotsi*, . . . s. 209), прибалтийско-финское **rotsi* могло быть уменьшительным или составным производным словом от корня **rōtsa-* и первоначально иметь значение ‘маленькая рыбья кость’ и затем ‘человек рыбьей кости’ и т. п. Такое объяснение Мягисте ставит в связь с ранее предложенной Хакулиненом трактовкой происхождения слова *Suomi*, *suomalainen* — ‘финн’ от финского *suomi*[s] — ‘[рыбья] чешуя’ и отсюда — ‘человек рыбьей чешуей’, ‘чешуйчатый’. Как указал нам проф. П. А. Аристе, оба слова могли быть первоначально насмешливыми, ругательными названиями: **rōtsi* — ‘человек, едящий рыбу’, ‘рыбоед’, *suomi* — ‘человек, вымазанный рыбьей чешуей’, и т.п.; словом **rotsi* (с насмешливо-ругательным значением) финны могли первоначально называть шведских рыбаков, с которыми они стали встречаться в шхерах.

⁹⁸ Там же, стр. 207—209.

нистской концепции. И разумеется, значение приведенных выше соображений Мягисте не нужно преувеличивать: прибалтийско-финское происхождение слова **rōtsi* не может в данное время считаться доказанным. Но тем не менее чрезвычайно важно, что в статье Мягисте показана объективная возможность выведения слова **rōtsi* из самих прибалтийско-финских языков, возникновения данного слова внутри указанных языков. Тем самым Мягисте (разумеется, сам того не желая) по существу нанес удар традиционной норманистской концепции происхождения имени *Русь*, точнее, одной из основных частей данного построения, производящей славянское *Русь* и финское **rōtsi* из языка скандинавов-шведов, преимущественно от наименований шведских воинов-мореходов, нападавших на восточнославянские и финские земли. И если показанная Мягисте возможность финского происхождения слова **rōtsi* весьма гипотетична, то ведь и доказательства происхождения этого слова из разных скандинавских языковых форм тоже все без исключения являются только гипотезами, в большей или меньшей степени допустимыми, но не доказанными.

К изложенным суждениям Мягисте о происхождении прибалтийско-финского **rōtsi* необходимо добавить еще одно соображение.

Показав в начале своей статьи наличие во всех прибалтийско-финских языках форм *Ruotsi*, *Roots* и т. д., Мягисте не сделал необходимых общих выводов. Между тем наличие во всех языках одной и той же языковой семьи аналогично звучащих слов с аналогичным значением скорее всего свидетельствует об их общем происхождении. До сих пор вслед за Томсоном предполагалось, что все эти слова восходят к более ранней первоначальной форме **rōtsi*, возникшей довольно поздно, в VII—VIII вв., перед самым началом шведских (варяжских) завоевательных походов в Восточную Европу, якобы завершившихся основанием варягами Русского государства. Поскольку к VII—VIII вв. прибалтийско-финские племена уже давно сформировались и расселились по довольно значительному пространству к востоку от Балтики, оставалось думать, что первоначальная форма **rōtsi* была заимствована из шведского языка сперва языком какого-то одного прибалтийско-финского племени (скажем, племенным диалектом жившего ближе всего к Швеции племени сумь, населявшего юго-западную Финляндию) и из диалекта данного племени была передана в диалекты остальных прибалтийско-финских племен. Однако при этом совсем не учитывается, что в VII—VIII вв. (и далее, в IX, X и следующих) контакт между отдельными прибалтийско-финскими племенами, разбросанными по огромной, нередко слабо заселенной территории, был не так уж велик; во время варяжских походов и набегов VIII—IX вв. контакт между отдельными прибалтийско-финскими племенами был не больше, чем торговые и военные сношения каждого из этих племен с варя-

гами. Можно даже полагать, что фигура варяжского воина-купца появилась в землях всех прибалтийско-финских племен (кроме, может быть, отдаленной веси) более или менее одновременно и у каждого племени более или менее в одно время возникла потребность как-то именовать начавших проникать в их земли варягов. Но тогда получается, что различные далеко живущие друг от друга и мало связанные между собой племена почему-то одновременно называли варягов одним и тем же словом (никак не связанным с самоназванием варягов), что явно невозможно.

Если же отказаться от даты VII—VIII вв., очевидно, предложенной сторонниками и продолжателями концепции Томсена с конкретной целью теснее связать все объяснение происхождения имени *Русь* со всей норманской теорией,⁹⁹ факт наличия аналогичного слова во всех языках одной и той же языковой семьи получит естественное языковедческое толкование, обычно применяемое в подобных случаях. Остается предположить, что это слово относится к первоначальному общему словарному составу данной языковой семьи, т. е. к словарному составу прибалтийско-финского праязыка, существовавшего во II—I тысячелетии до н. э.¹⁰⁰ и являвшегося общим предком всех прибалтийско-финских языков. В этом случае будет вполне объяснимо, почему во всех прибалтийско-финских языках шведы именуются одним и тем же (лишь по-разному произносимым) термином. Подобное мнение вполне согласуется с приведенными выше данными Мягисте о вероятности сравнительно раннего, около первых веков нашей эры, возникновения в прибалтийско-финских языках слова **rōtsi*, а также с установленной Мягисте возможностью не заимствованного, а местного, прибалтийско-финского его происхождения.

Можно предполагать, что с жителями Швеции прибалтийские финны впервые познакомились на побережье Эстонии или на море еще до начала первого тысячелетия нашей эры из Эстонии (где до того времени находился основной массив прибалтийско-финских племен)¹⁰¹ заселения Финляндии и формирования отделив-

⁹⁹ Столь поздняя дата заимствования слова **rōtsi* прибалтийскими финнами из Скандинавии позволяла выводить это слово из конкретных явлений шведской действительности так называемой «эпохи викингов», связывать его происхождение с шведскими (варяжскими) морскими походами, в том числе с походами в восточнославянские земли, с морским ополчением — ледунг, и т. п.

¹⁰⁰ Н. А р и с т е. Формирование прибалтийско-финских языков и древнейший период их развития. В сб.: Вопросы этнической истории эстонского народа, Таллин, 1956, стр. 12.

¹⁰¹ По данным языковедения и археологии, в I тысячелетии н. э. прослеживаются соприкосновения прибалтийско-финского населения Эстонии и германских (скандинавских) племен, они прослеживаются и по древним германским (скандинавским) языковым заимствованиям в прибалтийско-финских языках, и по некоторым археологическим памятникам на западе Эстонии (Х. А. М о о р а. Вопросы сложения эстонского народа и некоторых соседних народов в свете данных археологии. В сб.: Вопросы этнической истории

шихся собственно финских племен; в этом случае общее обозначение **rōtsi* для жителей заморской Швеции (людей, живущих за морем) возникло еще тогда, когда основной массив прибалтийско-финского населения жил совместно и говорил на общем языке.

Если принять предложенное мнение, отпадет значительная часть положений традиционной концепции, содержащих поиски исходной шведской формы, от которой могло произойти финское **rōtsi* и славянское *Русь*, отпадут все предлагавшиеся последователями традиционной концепции различные варианты исходной формы, носившие не только узколингвистическую, но в большинстве своем и вполне определенную смысловую, историческую нагрузку, ибо они должны были косвенно свидетельствовать в пользу норманской теории, — все эти формы **roþsmaen*, **roþskarlar*, **roþsbyggjar*, рассматривавшиеся как наименования людей, участвовавших в варяжских плаваниях и походах на равнинах восточной Европы, как наименования тех варягов, которые в IX в. якобы производили завоевание славянских земель и основание Русского государства. Если полагать, что возникновение слова **rōtsi* в прибалтийско-финских языках надо относить к началу нашей эры, то даже если его считать словом, заимствованным из германских (скандинавских) языков, оно не могло происходить из форм, связанных с существованием шведского морского ополчения ледунг и с названием области Рослаген — Роден, поставлявшей корабли и людей для этого ополчения (и существовавшей именно как область, поставлявшая людей и корабли), ибо, как уже ранее говорилось, формирование морского ополчения — явление, возможное лишь после создания шведского государства, т. е. не ранее IX в. Больше того, если принять указанную датировку, исходной формой не может быть и предложенное Экбу слово *rōðR* со значением 'флот викингов', ибо и викинги, и создание флотилий их судов — тоже явления периода становления классового общества в Скандинавии, т. е. VIII—X вв. И вообще, если заимствование слова **rōtsi* произошло на много столетий ранее, чем обычно предполагалось, т. е. в период, когда еще не существовало скандинавской письменности, от которого не сохранилось никаких письменных памятников, то утрачивают всякий смысл все так старательно производившиеся поиски конкретных шведских форм, от которых могло бы произойти **rōtsi*, ибо для столь раннего времени конкретные формы языка населения Швеции нам неизвестны.

Если же считать, что слова **rōtsi* вообще не было заимствовано из Швеции, а возникло в ходе внутреннего развития древнего

эстонского народа, стр. 95—103; История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, стр. 46). В начале нашей эры связи прибалтийских финнов со скандинавскими племенами заметно ослабевают и вновь усиливаются к концу I тысячелетия н. э. (там же).

языка прибалтийских финнов, то тем более отпадают все построения, связанные с поисками для него исходной шведской формы.

О большой древности термина **rōtsi* говорит и то, что это наименование шведов, по всей видимости, возникло и вошло во все прибалтийско-финские языки до того времени, когда прочно утвердилось самоназвание шведов *sveu* (*svear*), т. е. до сформирования шведского народа (IX—XI вв.) и даже до формирования предшественника шведского народа — племени свеев, а следовательно, не позднее первых веков нашей эры. В противном случае, т. е. если бы ко времени установления контактов шведов и прибалтийских финнов уже прочно существовало шведское самоназвание *sveu*, это самоназвание должно было бы отразиться и в прибалтийско-финских языках.¹⁰²

Разумеется, высказанные нами соображения о большой вероятности более древнего происхождения слова **rōtsi* тоже являются только гипотезой, хотя и имеющей довольно вескую аргументацию.¹⁰³ Но и отмеченная выше возможность исконного прибалтийско-финского происхождения указанного слова, и возможность его возникновения путем заимствования из Скандинавии или в результате внутреннего развития прибалтийско-финского праязыка на много столетий ранее, чем предполагалось до сих пор, делают очевидным, что традиционная концепция Куника—Томсена, еще недавно представлявшаяся многим ученым единственно серьезной научной трактовкой вопроса о происхождении имени *Русь*, становится в последнее время все менее убедительной, все более очевидной делается ее тенденциозность.

Нужно сказать, что наиболее объективные представители традиционной концепции сами сознают возрастающую непрочность своих позиций. Так, С. Экбу, заключая детальный разбор всех последних лингвистических построений, вынужден был сделать весьма знаменательное признание: «... нельзя указать

¹⁰² Трудно предположить, чтобы в то время, когда уже прочно существовало самоназвание *sveu*, прибалтийские финны могли дать шведам наименование, происходящее от какого-то совсем другого корня, и чтобы это наименование смогло войти в языки всех мало связанных друг с другом прибалтийско-финских племен и закрепиться во всех этих языках.

¹⁰³ Противники норманской теории (А. Н. Пасоно в. «Русская земля»... стр. 39; М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений, стр. 35, и др.) и некоторые наиболее осторожные ее последователи (H. A r b m a n. *Svear i österviking*, s. 20) считали уязвимым местом традиционной концепции то обстоятельство, что слово *Ruotsi* (**rōtsi*) точно зафиксировано лишь в финском языке нашего времени (фактически начиная с XVI—XVII вв. более ранних письменных памятников финского языка нет) и неизвестно, существовало ли это слово в финском языке IX—XI вв. Ответом на данный вопрос могут послужить изложенные выше соображения о большой вероятности весьма древнего происхождения слова **rōtsi*, особенно наличие его во всех языках прибалтийско-финской семьи, скорее всего указывающее на его вхождение еще в состав прибалтийско-финского праязыка.

такое скандинавское слово, которое являлось бы бесспорным источником для прибалтийско-финского **rōtsi*. В равной мере не доказано, что финское *Ruotsi* и с ним связанное слово (*Русь*, — *И. Ш.*) заимствовано из древнешведского языка». ¹⁰⁴ Правда, Экбу затем спохватывается и говорит, что, «с другой стороны, подобное предположение имеет большую внутреннюю вероятность, и нужно продолжать разрабатывать гипотезы о шведском происхождении до тех пор, пока не возникло абсолютных формальных препятствий для подобной теории». ¹⁰⁵ Но и в последнем высказывании, несмотря на внешний оптимизм, заметно проскальзывают пессимистические представления о дальнейших перспективах развития традиционной концепции.

Остается, правда, в лучшем положении еще одна сторона той же концепции Куника—Томсена — трактовка вопроса о переходе из прибалтийско-финского **rōtsi* в восточнославянское *Русь*. В современных зарубежных работах этот вопрос почти не затрагивается, поскольку разработанная Томсеном трактовка перехода из *Ruotsi* в *Русь* вызвала меньшее количество возражений с языковедческой стороны, чем другие стороны той же концепции.

Этого вопроса коснулся только Экблом в своей последней (неоднократно цитировавшейся выше) статье. ¹⁰⁶ Экблом повторил мнение Томсена ¹⁰⁷ о том, что прибалтийско-финскому долготу *o* (или дифтонгу *uo*), отсутствующему в древнерусском языке, наиболее близко соответствовал русский звук *y*. Смягчающий конечный звук *i* при переходе в древнерусский язык сменился на *ь*, так же как при переходе из финского *Suomi* в древнерусское слово *Сумь*. Наибольшую трудность представляет объяснение перехода *ts* слова **rōtsi* в славянское *с*. По мнению ряда филологов, при переходе слова **rōtsi* в восточнославянский язык *ts* скорее дало бы звуки *ц* или *ч*, а не *с*, т. е. *Русь* или *Русьч*, а не *Русь*. ¹⁰⁸ Экблом (вслед за В. Томсеном) решительно отвергает это мнение, считая, что форма *Русьч* в древнерусском языке образоваться не могла. ¹⁰⁹

¹⁰⁴ S. E k b l o m. Om ortnamnen Roden. . . , s. 199.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ R. E k b l o m. Roslagen-Rußland, SS. 48—49.

¹⁰⁷ В. Т о м с е н. Начало Русского государства, стр. 87.

¹⁰⁸ А. Л. П о г о д и н. Вопрос о происхождении имени Русь. Сборник в честь на В. П. Златарски, София, 1925, стр. 271 (ссылается на мнение финского филолога И. П. Миккола); В. А. М о ш и н. Главные направления. . . , стр. 617; П. Я. Ч е р н ы х. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 100, и др.

¹⁰⁹ По мнению В. Томсена (Начало Русского государства, стр. 87), форма *Русьч*, недопустимая в древнерусском языке, должна была сразу измениться на *Русь* или *Русь*, «предпочтение, оказанное именно последней форме, объясняется, может быть, народным словообразованием, сблизившим имя *Русь* с созвучным ему прилагательным *русый*». Добавим, что, по мнению Шахматова, древнерусское *ц* было мягким звуком, не тождественным с финским *ts*, и потому финское *ts* скорее должно было быть передано русским *с* (А. А. Ш а х м а т о в. Введение в курс истории русского языка, ч. I,

Экблом предложил два объяснения перехода *ts* в *c*: могло произойти явление, аналогичное переходу из вепсского *venca* в русское *весь*, т. е. выпадение предыдущего согласного, стоявшего перед последним согласным *c*; ¹¹⁰ могло быть также, что финское *ts* в конце I тысячелетия н. э. произносилось как *řs* ¹¹¹ (такое произношение прослеживается теперь в некоторых диалектах западной Финляндии) и было передано русским *c* (правда, это объяснение представляется Экблomu менее вероятным, ибо диалектное произношение *řs*, по-видимому, возникло позднее). ¹¹²

Первое объяснение, предложенное Экблomu, кажется довольно вероятным, хотя и не абсолютно бесспорным. Переход *ts* в славянское *c* все же остается слабым местом всего построения. Нельзя полностью отрицать, что финское **rōtsi* при переходе в древнерусский язык могло дать *Ручь* или *Ручьь*; построение о переходе *Ruotsi* (**rōtsi*) в *Ручь* остается гипотезой, а не бесспорным выводом. ¹¹³

Тем не менее в общем принятая традиционной концепцией трактовка перехода из прибалтийско-финского **rōtsi* в восточнославянское *Ручь* встречает все же меньше трудностей и подводных камней, чем трактовка перехода из какой-то предполагаемой шведской формы в прибалтийско-финское **rōtsi*; с лингвистической стороны переход из **rōtsi* в *Ручь* представляется возможным. ¹¹⁴

Основным методологическим пороком всех изложенных построений приверженцев традиционной концепции является то,

стр. 67). Однако эти мнения не стали общепризнанными среди русских филологов (см., например: П. Я. Черных. Очерк русской исторической лексикологии, стр. 100).

¹¹⁰ Экблом приводит еще два примера, но они малоубедительны.

¹¹¹ Древнешведский звук *ř* приблизительно соответствует современному глухому английскому звуку *th* в слове *thick*.

¹¹² R. Ekblom. Roslagen-Rusland, SS. 48—49.

¹¹³ Показательно, что именно как гипотезу трактует это построение (и в целом всю традиционную концепцию) наиболее объективный скандинавский историк-норманист Х. Арбман (*Svear i österviking*, s. 20).

¹¹⁴ Сама по себе возможность возникновения названия *Ручь* из неславянского языка не может вызывать принципиальных возражений с позиций советской науки и не может рассматриваться как какое-то ущемление нашего национального престижа. Ведь хорошо известно, что иноязычное происхождение имеют названия ряда европейских стран и народов. Так, Франция и французы получили свое имя от германского племени франков, Англия и англичане — от германского племени англвов, Болгария и болгары — от тюркского племени болгар и т. д. При этом французы, англичане, болгары не считают подобное происхождение названий недостаточко почетным. Более того, существующая в науке другая возможность решения вопроса о происхождении слова *Ручь*, пользующаяся большей популярностью у советских ученых (см. стр. 163—164), также выводит это слово скорее всего из неславянских языков. Предлагаемая ниже критика традиционной концепции вызвана не какими-либо ненаучными соображениями, а тем, что она при ее углубленном рассмотрении обнаруживает много слабых мест и в целом не удовлетворяет строгим требованиям современной науки.

что все эти авторы, будучи лингвистами, базируют свои построения только на материалах языкознания.

Между тем вопрос о происхождении названия огромной страны и ее народа, притом названия, получившего уже в IX—X вв. широчайшую известность на больших пространствах Европы и Азии, не может решаться только языковедческим путем, без исторического осмысления.¹¹⁵ Притом ведь и с языковедческой стороны последователи традиционной концепции, как правильно подчеркнул Г. Ловмянский, смогли лишь доказать возможность происхождения имени *Русь* от *Ruotsi*, но не доказали, что имя *Русь* должно производиться от *Ruotsi*.¹¹⁶ Как отмечал еще Д. И. Иловайский, никем не доказано, что слова *Ruotsi* и *Русь* были когда-либо тождественны, а не являлись просто созвучием двух различных по значению слов.¹¹⁷

Итак, общая оценка научной достоверности традиционной концепции в ее современном виде (как концепции уже не Томсена, а Экблома, Хьерне, Экбу, Мягисте и др.) должна производиться не на основании одного языкознания, а на основе всей совокупности исторических и лингвистических данных. Для этого необходимо использовать критику указанной концепции, произведенную во многих работах современных ученых-марксистов (Грекова, Мавродина, Насонова, Рыбакова, Ловмянского и др.), а также критику того же построения, содержащуюся в сочинениях его противников в стане современной буржуазной науки (Г. Вернадского, А. Рязановского), и сохранившие свое значение критические замечания, имевшиеся в произведениях дореволюционных ученых-антинорманистов (Гедсонова, Иловайского, Грушевского и др.).

¹¹⁵ Ср.: Н. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów. . . , s. 137. В стане буржуазной науки об этом же писали противники традиционной концепции происхождения имени *Русь* Г. Вернадский (G. Vernadsky. 1) Ancient Russia. New Haven, 1943, p. 277; 2) The Origins of Russia. London, 1959, p. 199; 3) Essai sur les origines russes, II. Paris, [1959], p. 330) и Н. Рязановский (N. V. Riassanovskiy. A History of Russia. N. Y., 1963, p. 27).

¹¹⁶ Н. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów. . . , s. 140. Кстати, для общих выводов о степени достоверности и научной значимости традиционной концепции последняя часть этой концепции — трактовка перехода из **rōtsi* в *Русь* — имеет даже большую важность, чем первая — трактовка перехода из некоей шведской формы в прибалтийско-финское **rōtsi*; ведь самое главное в концепции Куника—Томсена — утверждение, что имя *Русь* происходит от прибалтийско-финского **rōtsi* — 'швед', 'Швеция' и что это имя в восточнославянском языке тоже первоначально прилагалось к норманнам-шведам. В конце концов столь старательно разрабатывавшийся многими филологами вопрос о происхождении прибалтийско-финского **rōtsi* из шведского языка нужен норманистам не сам по себе, а как первое звено в общем построении, стремящемся доказать, что имя *Русь* первоначально означало 'норманны-шведы'.

¹¹⁷ Д. И. Иловайский. Разыскания о начале Руси. М., 1882, стр. 70.

Прежде всего нужно уточнить, о взаимоотношениях восточных славян с какими именно прибалтийско-финскими племенами и языками должна идти речь.

В прежних норманистских сочинениях (начиная с работы Тунмана), в частности, в сочинении Томсена, обычно говорилось о ф и н с к о й форме *Ruotsi*, о заимствовании восточными славянами имени *Русь* из ф и н с к о г о языка; такая же трактовка, упрощенная и не вполне точная, велед за Томсеном обычно дается в исторических трудах, в том числе в большинстве работ советских историков, касающихся данной темы. Между тем в свете современных исторических данных совершенно очевидно, что если даже признавать концепцию Томсена, происхождение слова *Русь* от *Ruotsi*, т. е. из языка собственно финских племен суми и еми, будет как раз н а и м е н е е в о з м о ж н ы м, поскольку северная группа восточных славян позднее всего (не раньше X в.) вступила в контакт с жившей в Финляндии емью (и еще позднее — с сумью). Речь может идти лишь или вообще о прибалтийско-финских языках (и об обобщенной прибалтийско-финской форме **rōtsi*), или о языке тех прибалтийско-финских племен, с которыми раньше всего вступили в соприкосновение восточные славяне при расселении в бассейне Ильменя и Чудского озера и с которыми восточные славяне стали жить в непосредственном соседстве, т. е. о языке эстов и води.¹¹⁸ Следовательно, речь может идти лишь об эстонской форме *roots* и о водской форме *rotsi*.¹¹⁹

Поскольку ильменские славяне (словене) и кривичи с VI или VII в.¹²⁰ жили в непосредственном соседстве и во все усиливающемся контакте с эстами и водью, они имели возможность уже достаточно рано узнать от води и эстов о существовании жителей Швеции и об имени, которым водь и эсты называли этих заморских жителей. Если бы северные восточнославянские племена действительно восприняли имя *Русь* (сначала в качестве названия населения Швеции) от своих прибалтийско-финских соседей чуди и води, это должно было бы скорее всего произойти задолго до середины IX в., когда началось пропикновение варяжских купцов по речным путям внутрь Восточно-Европейской равнины, в земли ильменских славян, кривичей и их восточных соседей. К данному моменту термин *Русь* (как обозначение жителей заморской Швеции) уже должен был давно бытовать в языке словен и кривичей, войти в него прочно, и первоначальное значение этого термина не могло быстро и бесследно исчезнуть. Между тем уже многими истори-

¹¹⁸ Ср.: R. Ekblom. Roslagen-Rußland, s. 49.

¹¹⁹ Предпочтительно даем здесь приводимую Куником (Дополнения к сочинению Дорна «Каспий», стр. 672) водскую форму XIX в. *rotsi* как более достоверную сравнительно с указываемой Мягисте формой середины XX в. *ruotsi*, возможно, образовавшейся под влиянием формы *ruotsi* из языка живущих рядом с водью ингерманландских финнов.

¹²⁰ Время расселения кривичей и ильменских славян на их племенной территории археологически установлено лишь приблизительно.

ками отмечалось, что в древнерусских письменных источниках слово *Русь* прилагается только к восточнославянским землям, их народу и государству.¹²¹

Единственные имеющиеся исключения — внесенные составителем «Повести временных лет» при редактировании прежних летописных текстов в нескольких местах (во введении, под 862 и 898 гг.) специальные оговорки о первоначальном тождестве Руси и варягов — являются совершенно очевидными выпадающими из общего контекста редакционными вставками, призванными аргументировать общую политическую концепцию составителя «Повести» о благородном заморском происхождении правящей княжеской династии.¹²² Явно вставным, искусственным характером эти места «Повести временных лет» лишь еще более подтверждают, что в восточнославянских землях было известно только одно этническое и географическое значение термина *Русь* и потому составитель Повести должен был (в угоду своей концепции) несколько раз специально доказывать, что некогда слово *Русь* будто бы означало варягов. С другой стороны, в летописи и других древнерусских письменных источниках имеется только два термина для обозначения норманнов — варяги и свеи.¹²³

Важно также, что никаких следов былого знакомства с существовавшим когда-либо ранее тождеством варягов и Руси не сохранилось, в частности у северных восточнославянских племен словен и кривичей, которые с наиболее раннего времени и в наибольшей степени должны были соприкасаться с варягами.¹²⁴

¹²¹ Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. II, Комментарий, стр. 239; H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów. . . , s. 139.

¹²² Д. С. Лихачев. Повесть временных лет, т. II, Комментарий, стр. 238—244; В. В. Мавродин. 1) Очерки истории СССР, стр. 92; 2) Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия», стр. 10; H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów. . . , s. 139. Д. С. Лихачев (Повесть временных лет, Комментарий, стр. 239, 243) указывает, что из имеющихся в «Повести временных лет» 270 упоминаний терминов *Русь* и *Русская земля* всего в пяти случаях летописцем дается (и каждый раз специально оговаривается) отождествление Руси с варягами.

¹²³ H. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów. . . , s. 139.

¹²⁴ Там же. Делавшиеся языковедами-норманистами попытки доказать большое распространение в землях новгородских словен и северных кривичей местных названий, происходящих от имени *Русь* и якобы восходящих к тому времени, когда имя *Русь* означало варягов (см.: R. Ekblom. *Rus-
et vareg*. . . pp. 10, 30, 58; M. R. Vasmer. *Wikingerspuren in
Rusland*. Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philol.-
hist. Klasse, 1931, XXIV, SS. 656, 659, 661, 666), неубедительны, ибо никак
нельзя доказать, что сохранившиеся к нашему времени топонимические на-
звания, происходящие от имени *Русь*, некогда были даны по имени варягов,
называвшихся *Русью*. Скорее всего эти названия происходят от слова *Русь*
в обычном, известном нам и существовавшем издревле единственном этниче-
ском и географическом значении этого слова — 'русские', 'Русская земля',
'Русское государство'. См. также об этом: В. В. Мавродин. Очерки исто-
рии СССР, стр. 93.

Весьма существенно, далее, что в скандинавских странах в «эпоху викингов» (в IX—XI вв., да и позднее, до XIII в.) термин *Русь* в значении 'варяги', 'шведы' и в значении 'русские', 'Русская земля' был совершенно неизвестен.¹²⁵ В скандинавских источниках этого времени территория Древней Руси и Древнерусское государство всегда назывались *Gardariki*, или *Gardar*. Показательно, что составитель «Повести временных лет», делая тенденциозные вставки о былом тождестве понятий *Русь* и *варяги*, отлично знал, что в его время никакого племени или народа русь в Швеции не было. Поэтому для спасения своей концепции составитель «Повести» изобразил русь особым варяжским племенем, будто бы жившим некогда в Швеции, и заставил Рюрика с братьями увести с собой в восточнославянские земли из Швеции «всю русь», чтобы было понятно, почему никакой руси в Швеции с тех пор более не существует.¹²⁶

В общем если даже признать утверждение традиционной концепции, что имя *Русь* произошло из шведского языка через прибалтийско-финское **rotsi* и первоначально являлось обозначением норманнов-шведов, возникает ряд недоуменных вопросов, требующих объяснения. Так, совершенно непонятно, почему восточные славяне, зная собственное имя норманнов-шведов *свеи* (их самоназвание *svear*) и имея для них же наименование *варяги*,¹²⁷ приняли для норманнов чуждое и славянам, и шведам заимствованное у прибалтийских финнов имя *Русь*. Непонятно, как могли на каком-то определенном этапе одновременно сосуществовать все эти три названия.

Очень мало правдоподобно также, что шведы, придя в Восточную Европу, стали сами называть себя там не собственным именем и не наименованием, которое им дано было славянским населением, а именем, прихваченным по дороге, когда они проезжали через земли финских племен. И если (в соответствии с норманист-

¹²⁵ Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу. Изв. Акад. наук СССР, 1934, № 8, стр. 628. Этот факт признавали также В. Томсен (Начало Русского государства, стр. 80), Х. Арбман (*Svear i osterviking*, s. 20) и др. Термин *Russia* в некоторых сагах, написанных в основном в Исландии в XIII в. (на основе произведений устного творчества), есть результат воздействия поздней западноевропейской книжной традиции. Термины *rudsar*, *ryssar* — 'русские' — появились в шведском языке сравнительно поздно, не ранее XIII в. (Е. А. Рыдзевская. К варяжскому вопросу, стр. 628).

¹²⁶ С. А. Гедеролюв. Варяги и Русь, ч. II. СПб., 1876, стр. 463—464; М. С. Грушевский. История Украины-Руси, т. I. Львов, 1904, стр. 601—602; А. А. Шахматов. Сказание о призвании варягов, стр. 75; В. В. Мавроди. 1) Очерки истории СССР, стр. 96; 2) Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия», стр. 7, и др.

¹²⁷ Термин *варяги* был в древней Руси обозначением скандинавов вообще, но в IX—X вв. трудно предположить проникновение на Русь норманнов из более отдаленных стран Скандинавии — Норвегии и Дании. В это время все или почти все норманны, появившиеся на Руси, были выходцами из Швеции, главным образом из средней Швеции, Упланда (что прослеживается по археологическим и лингвистическим данным).

ской концепцией) предполагать, что шведы в восточнославянских землях создали Древнерусское государство, непонятно, почему это государство приняло не собственное имя шведов и не имя восточных славян, а имя, которым шведов называли прибалтийские финны. Трудно понять также, почему имя *Русь* в качестве обозначения шведов совершенно исчезло из восточнославянского языка как раз тогда, когда варяги стали часто ездить в славянские земли и участвовать в процессе создания Древнерусского государства. Совершенно необъяснимо, как могло первоначально существовавшее (если его признавать) тождество понятий *Русь* и *варяги* так быстро полностью исчезнуть из памяти славянского населения, которое ранее этими понятиями пользовалось как равнозначными. Далее, если считать (в соответствии с традиционной норманистской концепцией), что шведы в Восточной Европе приняли имя *русь* и сами стали называть себя *русью*, как могло случиться, что это название — и как название живущих в Восточной Европе шведов, и как название созданного (в соответствии с той же концепцией) ими государства — осталось совершенно неизвестным у них на родине, в Швеции. На все эти вопросы, впервые поставленные еще С. А. Геденовым почти сто лет тому назад¹²⁸ и неоднократно вновь поднимавшиеся противниками норманской теории,¹²⁹ приверженцы традиционной норманистской концепции до сих пор не смогли дать сколько-нибудь удовлетворительного ответа.

Особенно важно отметить, что традиционная концепция, настаивающая на северном, норманско-финском происхождении слова *русь*, оказывается в неразрешимом противоречии с многочисленными показаниями источников, свидетельствующими о южном происхождении этого названия. Норманисты никогда не были способны объяснить тот факт, что имя *русь* появляется на юге России задолго до проникновения норманских воинов и купцов в глубь Восточной Европы и что в первые десятилетия IX в., когда в южной России и на Черном море ни по письменным, ни по археологическим данным еще не прослеживается никаких следов норманнов, здесь уже существовало сильное политическое образование по имени *Русь*, совершавшее грозные военные походы на северный и южный берега Черного моря (походы на Сурож, Амастриду, Эгину). Имеются многочисленные данные о весьма давнем (с первых веков нашей эры) бытовании имени *Русь* в географическом, этническом и политическом его значении в Южной России, особенно в Поднепровье.¹³⁰ Важно также, что наряду

¹²⁸ С. А. Геденов. Варяги и Русь, ч. II, стр. 403—404.

¹²⁹ М. С. Грушевский. История Украины-Руси, т. I, стр. 602; Л. С. Тиверидский. К вопросу о происхождении Руси. . . , стр. 41, и др.

¹³⁰ М. И. Артамонов. 1) Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси, стр. 12—13; 2) История хазар, стр. 289—293; М. Д. Присьелков. Киевское государство второй половины X в. по византийским источникам. Уч. зап. ЛГУ, сер. истор. наук, 1941, вып. 8, стр. 233—235;

с широким географическим значением термина *Русь*, охватывавшим все русские земли, по древнерусским источникам ясно прослеживается и его узкое, частное значение, прилагаемое только к среднему Поднепровью, к области Киева, Чернигова и Переяславля.¹³¹ Нельзя не учитывать этого факта, неизбежно наводящего на мысль, что данное узкое значение термина *Русь* могло быть первоначальным.¹³²

По изложенным соображениям марксистским исследователям наиболее вероятным представляется мнение, согласно которому имя *Русь* возникло впервые на юге нашей страны задолго до прихода норманнов в Восточную Европу.¹³³

Традиционная концепция встречает определенные возражения и с лингвистической стороны. Ее сторонники не смогли объяснить, почему при переходе из финского в славянские языки возникли две различные формы — *Русь* и *Рось* — с двумя разными гласными и почему форма с *о*, более близкая к предполагаемой исходной форме — прибалтийско-финскому **rōtsi*, возникла у южной части восточного славянства, не имевшей прямого контакта с финскими племенами,¹³⁴ тогда как у соседствовавшей с прибал-

Л. С. Тивериадский. К вопросу о происхождении Руси. . . , стр. 40—44; М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», стр. 60—80; А. П. Насонов. Русская земля. . . , стр. 28—46; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, стр. 206—209; Б. А. Рыбаков. Древние руссы, стр. 28—104; Б. Д. Греков. Киевская Русь. В кн.: Б. Д. Греков, Избр. тр., т. II, стр. 358; В. В. Мавродин. Происхождение названий «Русь», «русский», «Россия», стр. 5—26; Очерки истории СССР, III—IX вв., стр. 740—771; см. также: G. Verinadsky. Ancient Russia, p. 278; A. V. Riassanovskiy. The Norman theory of the origin of the Russian state: A Critical Analysis. Dissertation Abstracts, v. XX, № 11, Ann Arbor (USA), 1960, p. 4381.

¹³¹ М. Д. Приселков. Киевское государство. . . , стр. 233—235; М. Н. Тихомиров. Происхождение названий «Русь» и «Русская земля», стр. 60—80; А. П. Насонов. «Русская земля». . . , стр. 28—33, и др. В дореволюционные годы то же мнение высказывали и аргументировали М. С. Грушевский (История Украины-Руси, т. I, стр. 168—169, 345—346), Д. И. Багалей (Русская история, ч. I, Харьков, 1909, стр. 101—103; Русская история, т. I, М., 1914, стр. 173—178), и др. Этот факт, подтверждаемый показаниями многих летописных текстов, вынужден был признать и крупнейший современный норманист Г. Пашкевич (см. стр. 168—169).

¹³² Правда, Д. С. Лихачев (Повесть временных лет, т. II, Комментарий, стр. 239—244) придерживается другой точки зрения. Он считает, что узкое географическое значение термина *Русь* возникло позднее, в XII—XIII вв., а первоначальным было широкое значение — все Русское государство. Однако трудно себе представить, чтобы название, охватывавшее сначала огромную страну, могло затем сузиться до обозначения небольшой области, причем сохраняясь в XII—XIII вв. и общее значение слова *Русь*, охватывавшее все русские земли.

¹³³ Разумеется, и это мнение является лишь гипотезой, как и рассмотренное выше мнение о северном, шведско-финском происхождении слова *Русь*.

¹³⁴ В. А. Мошин. Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы, стр. 624.

тийскими финнами северной части восточнославянских племен возникла более отдаленная от предполагаемой исходной формы форма *Русь*.

Необъяснимо с позиций традиционной концепции¹³⁵ и образование византийской формы $\rho\omega\varsigma$, не склоняемой и совершенно не свойственной греческому языку, формы, которая могла образоваться лишь путем заимствования от другого народа.¹³⁶ В большинстве европейских языков, в частности в германских языках, собирательные народные и племенные имена склоняемы и выступают во множественном числе; источником для несклоняемой греко-византийской формы $\rho\omega\varsigma$, видимо, могла быть только собирательная восточнославянская форма (*рось, русь*), имеющая лишь единственное число.¹³⁷ Возводить форму $\rho\omega\varsigma$ к все тому же финскому *Ruotsi* через посредство славянского *рось — русь* невозможно и по историческим соображениям.¹³⁸

Противоречит традиционной норманистской концепции и существование венгерского слова *ország* — 'русский', возникшего, по имеющимся данным, из славянского этнического названия *рось* —

¹³⁵ Там же; S. H. Cross and O. Sherbowitz-Wetzor. The Russian Primary Chronicle, pp. 48—49; П. Я. Черных. Очерки русской исторической лексикологии, стр. 100; см. также: F. Knaust. Die russische Nationalname und die indogermanische Urheimat. Indogermanische Forschungen, 1912, Bd. XXXI, S. 81. Томсен хорошо сознавал, что форма $\rho\omega\varsigma$ не может быть выведена из скандинавского или финского языков, но не смог найти с позиций своей концепции удовлетворительного объяснения этого вопроса и лишь высказал предположение, что форма $\rho\omega\varsigma$ проникла в греческий язык через посредство какого-то тюркского языка, скорее всего хазарского (В. Томсен. Начало Русского государства, стр. 87). Подобное объяснение было вскоре отвергнуто, ибо ни одно тюркское слово не может начинаться с *r* или *l* (J. Marquart. Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, Leipzig, 1903, S. 354; S. H. Cross and O. Sherbowitz-Wetzor. The Russian Primary Chronicle, p. 49), да и сам хазарский язык нам почти не известен.

¹³⁶ По словам С. А. Гедеонова, греки могли принять неудобную, бесприемную для них форму $\rho\omega\varsigma$ только по крайней необходимости, т. е. если этого требовало неприменное употребление формы $\rho\omega\varsigma$ у того народа, который отличал себя этим именем и первый им его передал (С. А. Гедеонов. Варяги и Русь, ч. II, стр. 411—412).

¹³⁷ Там же, стр. 412.

¹³⁸ Подобная не свойственная греческому языку форма могла проникнуть и укрепиться в нем только в том случае, если она давно и прочно существует в языке, из которого заимствована. Между тем норманны, появившиеся на юге Восточной Европы не ранее второй четверти или середины IX в., не могли мгновенно распространить свое имя на все восточнославянское население, для этого должно было потребоваться какое-то (и немалое) время. Однако форма $\rho\omega\varsigma$ впервые упоминается в источниках в более раннее время — в конце VII и в первых десятилетиях VIII в. (Жития Георгия Амастридского и Стефана Сурожского), еще до появления норманнов в Восточной Европе или тогда (Бертинские анналы), когда они только начали появляться в Поднепровье и еще не могли успеть передать свое имя всему местному славянскому населению.

Русь ранее, чем могли появиться норманны в Южной России.¹³⁹

Таким образом, из изложенного выше материала видно, что новейшие языковедческие исследования не смогли разрешить те чисто лингвистические трудности, которые имеются в различных частях традиционной концепции о происхождении имени *Русь*. Больше того, по мере углубления языковедческой работы количество трудностей не уменьшается, а растет, и (учитывая, что круг лингвистических источников в основном исчерпан) остается все менее вероятия, что сторонники данной концепции когда-либо смогут найти бесспорное решение своей историко-лингвистической задачи. С другой стороны, накапливается все большее количество исторических соображений и фактов, противоречащих этой концепции.

* * *

В отличие от традиционной норманистской концепции происхождения имени *Русь*, разрабатывавшейся на языковедческом материале многими поколениями лингвистов-норманистов, новые построения, выдвинутые современными норманистами и преимущественно на историческом материале, имеют меньшее значение и поддерживаются только самими их авторами.

В послевоенные годы с самостоятельными концепциями по данной проблеме в зарубежной науке выступил М. Дрейер, Г. Пашкевич, Р. Смаль-Стоцкий и Г. Вернадский.

Ближе всего к положениям традиционной концепции подходит в своих построениях живущий на Аландских островах финляндский историк и археолог (швед по национальности) М. Дрейер. За послевоенные годы Дрейер выдвинул два разных построения по вопросу о происхождении имени *Русь*.

В первом построении Дрейер вслед за летописцем принимает за реальный факт существование некоего племени *Русь*, полностью переселившегося в середине IX в. из Швеции на равнины Восточной Европы. Областью первоначального обитания этого племени Дрейер считает все ту же давно облюбованную норманистами

¹³⁹ Венгерское слово *orosz*, судя по наличию ударного гласного перед звуком *r*, произошло в венгерский язык не прямо от восточных славян, а через посредство какого-то тюркского языка, следовательно, в то время, когда венгры (угры) еще не имели прямого контакта со славянами. Поскольку в непосредственное соприкосновение со славянами венгры вступили, по имеющимся данным, лишь в первой половине IX в., подвигнувшись через Дон в междуречье Дона и Днепра, возникновение слова *orosz* надо отнести ко времени до IX в., т. е. задолго до того, когда в Поднепровье могли появиться варяги (не ранее второй четверти IX в.). Следовательно, здесь мы имеем еще одно свидетельство того, что имя *Русь* существовало на юге России — и притом применительно к славянам — до появления варягов и вне зависимости от варягов; см. рец. О. Хорбач (O. Horbatsch) на кн.: I. K n i e s z a. A magyar nyelv szlav jovevenyszavai, I. Budapest, 1955 (Die Welt der Slaven, 1957, Н. 1, S. 71).

прибрежную шведскую территорию Рослаген, но расширяет ее географические рамки, включая в нее и Аландские острова. Он признает старую теорию происхождения слова *Русь* от *Рослаген* через финское *Ruotsi*, но считает, что *Русь* было самоназванием и что существовал какой-то «небольшой по-шведски говорящий народ в Восточной Швеции, который принимал активное участие в первых скандинавских торговых поездках на восток» и образовал свое маленькое государство. По мнению Дрейера, народ этот носил название *Rots*, а землей *Rots* были Аланды. Из формы *Rots*, точнее из искусственно реконструируемых Дрейером более древних форм **Roþiz*, **Roþoz*, **Roþis*, должно было, по мнению автора, произойти финское *Ruotsi* и славянское *Русь*.¹⁴⁰

Таким образом, к бесконечному ряду гипотез о происхождении Руси прибавилась еще одна, выводящая Русь с Аландских островов (подразумевается, что оттуда Русь целиком переселилась в Россию и основала Русское государство). Само возникновение слова *Русь* Дрейер связывает с красноватым цветом гранитных скал Аландского архипелага: красный — *Röd* на древнешведском языке давал форму **Rauþiz*, отсюда, по словам автора, прямой переход, к *Rod* — *Rots*.¹⁴¹ Итак, красные скалы Аландских островов дали, оказывается, имя *Русь* русскому народу и государству!

В данном построении ясно чувствуется типичное для многих провинциальных историков-краеведов стремление возвеличить историческую роль своей маленькой области, местности, города. В действительности нет никаких сколько-нибудь убедительных данных, которые позволили бы связать происхождение Руси и термина *Русь* с Аландскими островами. Предположение Дрейера о том, что Аландские острова некогда входили в состав области Рослаген, никакими данными источников не подтверждается. Больше того, Аландские острова никогда не называли в средневековых источниках терминами **Rots*, **Roþiz*, **Roþis* или каким-либо иным словом, от которого могло бы быть произведено финское *Ruotsi* и славянское *Русь*. И потому цвет скал Аландского архипелага не имеет никакого отношения к сложнейшей проблеме происхождения названия одного из крупнейших народов мира.

Согласно второму построению Дрейера,¹⁴² исходным моментом для финского слова *Ruotsi* послужили формы древнегерманского языка **Roþoz* или **Roþiz* с двойным значением 'нововозделанная земля' и 'пахарь', или 'колонист'. В результате выпадения безударного гласного во втором слого в VII в. получилась форма

¹⁴⁰ M. Dreijer. Några tankar om rusernas ursprung. Åländsk odling, 1951, ss. 10—11, 24—27, 44—45; ср.: M. Dreijer. Landet Åland och Fornsvriges ostgräns. Åländsk odling, 1950, ss. 73—75.

¹⁴¹ M. Dreijer. Några tankar... , s. 25.

¹⁴² M. Dreijer. Hauptlinge, Kaufleute und Missionäre im Norden vor Tausend Jahren. Ein Beitrag zur Beleuchtung der Umbildung der nordischen Gesellschaft während der Übergangszeit vom Heidentum zum Christentum. Mariehamn, 1960, ss. 29—31, 104, 143—144.

**Rodъ*, давшая при переходе в финский язык **Rots* или **Rotsi*. **Rots* или **Rotsi* стало сначала обозначением всех германских народов, затем прилагалось ко всем группам купцов из германских стран, которые начали проникать в балтийские земли и на север Восточной Европы. В Приладожье **Rots* встретились с местным финским и славянским населением, которое, как подразумевается из текста Дрейера, стало называть пришельцев **Rotsi* и *Русь*. Поскольку, по концепции автора, государство в Поволховье в IX в. было образовано фризами, пришедшим сюда из-за моря одним из германских народов,¹⁴³ именно фризов и называли, в частности, местные финны и славяне словом *Русь*; затем это слово стало обозначением якобы созданного фризами Русского государства.

Предположение о происхождении слова **Rotsi* из древнегерманского языка является произвольной догадкой автора, не аргументируется им ни с филологической, ни с исторической стороны. Все последующее построение также является нагромождением безосновательных гипотез и не может выдержать сколько-нибудь серьезной научной критики.

Живущий в Англии польский историк-эмигрант Г. Пашкевич, автор самого крупного произведения современной норманистской историографии,¹⁴⁴ сделал попытку примирить в рамках одного построения несколько существующих трактовок происхождения имени *Русь*. Концепция Пашкевича, посягающая компилятивный характер, должна была, по идее автора, дать наиболее убедительное доказательство норманского происхождения Руси. Ради создания этой концепции Пашкевич даже счит нужным пожертвовать одним из главных положений традиционного норманизма — тезисом о возникновении слова *Русь* из древнешведского языка через посредство финского слова *Ruotsi*.

Под явным воздействием работ советских ученых Пашкевич в начале своей первой книги должен был признать, что первоначально термин *Русь* в его географическом и политическом значении прилагался к среднему Поднепровью;¹⁴⁵ собрав и проанализировав большое количество (более 40) летописных текстов, где приме-

¹⁴³ О выдвинутом Дрейером фриском варианте норманской теории происхождения Русского государства (там же, стр. 141—146) см.: И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке, стр. 210—211.

¹⁴⁴ П. P a s z k i e w i c z. The Origin of Russia. London, 1954. Разбор и критику этой книги см.: И. П. Шаскольский. Норманская теория в современной буржуазной науке, стр. 77—91; В. И. Шушарин. Современная буржуазная историография Древней Руси. М., 1964, стр. 248—254. Норманистские построения Пашкевича повторяются и развиваются и в его второй книге, посвященной более широкому кругу вопросов: П. P a s z k i e w i c z. The Making of the Russian Nation. London, 1963.

¹⁴⁵ Как выше говорилось, советские историки уже до Пашкевича доказывали, что под термином *Русская земля* первоначально подразумевалась только территория Киевской, Черниговской и Переяславской земель (см. стр. 163—164).

няется термин *Русь*, Пашкевич делает правильный вывод, что в географическом отношении *Русью* в узком смысле этого слова во времена летописца называли ограниченную область среднего Поднепровья — Киевскую, Черниговскую и Переяславскую земли.¹⁴⁶ Однако это (само по себе достаточно обоснованное) положение он затем связывает со своими норманистскими построениями.

На основании субъективно трактуемых показаний некоторых источников Пашкевич в своей первой книге делает заключение, что термин *Русь* впервые возник в северной части восточнославянских земель, в области, лежащей у верховий Волги, Западной Двины и Днепра, у местного славянского населения в качестве этнического обозначения норманнов.¹⁴⁷ Пашкевич использует и традиционную норманистскую трактовку происхождения термина *Русь* из финского *Ruotsi*, но переворачивает ее «вверх ногами» и высказывает мнение, что не северные славянские племена у финнов, а наоборот, финны у своих славянских соседей заимствовали термин *Русь* для обозначения приезжающих из-за моря норманнов-шведов, т. е. не славянское слово *Русь* возникло из финского *Ruotsi*, а финское *Ruotsi* произошло из славянского слова *Русь*.¹⁴⁸

Пашкевич использует также и одно давнее построение,¹⁴⁹ содержавшее попытку связать происхождение слова *Русь* с этимологией этого слова. В соответствии с данным построением Пашкевич на основании нескольких прямых и косвенных показаний источников пытается доказать, что первоначально термин *Русь* возник из обозначения определенного цвета и означал 'красные', 'рыжие'. Подразумевается, что подобной внешностью обладали в то время норманны.¹⁵⁰

Из изложенных построений Пашкевича не вызывает возражений только первое (о том, что первоначально слово *Русь* в географическом значении было связано со средним Поднепровьем), основанное на многочисленных показаниях источников и совпадающее с мнением большинства советских ученых. Все остальные построения вызвали резкую критику и со стороны марксистских исследователей, и, что особенно примечательно, со стороны ряда буржуазных ученых.

Особенно резкие возражения вызвала попытка Пашкевича воскресить старую трактовку происхождения слова *Русь* из цвета

¹⁴⁶ H. P a s z k i e w i c z. The Origin of Russia, pp. 6—10, 333—335.

¹⁴⁷ Там же, стр. 142—144.

¹⁴⁸ Там же, стр. 144. В своей второй книге он более осторожно говорит о данной гипотезе; см.: H. P a s z k i e w i c z. The Making of the Russian Nation, pp. 121—124.

¹⁴⁹ См.: F. K r u g. Forschungen in die altere Geschichte Russlands, Bd. I. S.-Petersb., 1848, SS. 211, 216 a. oth.

¹⁵⁰ H. P a s z k i e w i c z. 1) The Origin of Russia, pp. 143—144; 2) The Making of the Russian Nation, pp. 119—120.

волос и лица людей данного племени (подразумевалось — норманнов). По справедливому мнению Г. Вернадского, «невозможно себе представить, чтобы все норманны были рыжими, и при помощи подобной трактовки нельзя объяснить, почему они сами восприняли это название и сделали его своим официальным именем и почему другие норманны продолжали называть себя варягами. . .».¹⁵¹ По словам Г. Ловмянского, эта трактовка противоречит и данным языкознания, и историческим данным.¹⁵²

Столь же безуспешной оказалась и попытка Пашкевича дать новую трактовку концепции *Русь* — *Ruotsi*. Выдвинутая им гипотеза о переходе славянского *Русь* в финское *Ruotsi* (**rotsi*) решительно противоречит закономерностям, установленным языковедами: славянский звук *с* не может дать в прибалтийско-финских языках *ts*, славянское *у* не может дать дифтонг *uo* или долгое *o*.¹⁵³

Оказывается несостоятельным и в целом все построение Пашкевича о возникновении слова *Русь* в северной части восточно-славянских земель. Оно находится в явном противоречии с приводимыми тем же Пашкевичем вполне достоверными летописными данными о том, что слово *Русь* первоначально прилагалось к южно-русским землям, к среднему Поднепровью.

Компилятивный характер носит и концепция о происхождении слова *Русь*, выдвинутая живущим в Канаде украинским буржуазным ученым Р. Смаль-Стоцким.¹⁵⁴ Автор соединил и традиционное норманистское построение о происхождении слова *Русь* от финского *Ruotsi* и шведского *Roslagen*, и старую гипотезу о происхождении этого имени от цвета волос, и гипотезу, возводящую слово *Русь* к временам древних готов, и мнение о социальном значении слова *Русь*.

По мнению Смаль-Стоцкого, заимствованное у финнов имя шведских викингов *Ruotsi* в его славянизированной форме *Русь*

¹⁵¹ См. рецензию Г. Вернадского (G. Vernadsky) на книгу Пашкевича (Speculum, 1955, v. XXX, № 2, p. 296). В буржуазной историографии подобные построения критикуют также: А. Стендер-Петерсен (A. Stender-Petersen). 1) Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 243; 2) Russian Studies, pp. 39—40; G. Stöckl. Russische Geschichte. . ., S. 38; R. Ekblom. Roslagen-Ruðland, S. 50; A. Soloviev. Le nom byzantin de la Russie. In: Musagetes, 3. The Hague, 1957, p. 12; см. также составленный Д. Оболенским комментарий к описанию Руси в книге Константина Багрянородного: Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio, v. II. London, 1962, Commentary, p. 21.

¹⁵² П. Łowmiański. 1) Zagadnienie roli normanów. . ., s. 124, 147; 2) O znaczeniu nazwy «Rus'» . . . s. 86.

¹⁵³ П. Łowmiański. Zagadnienie roli normanów. . ., s. 140.

¹⁵⁴ R. Smal-Stocky. The Origin of the Word «Rus». In: Slavistica, № 6. Winnipeg, 1949, pp. 5—18. См. также: R. Smal-Stocky. 1) Die germanisch-deutschen Kultureinflüsse im Spiegel der ukrainischen Sprache. Leipzig, 1942, S. 79; 2) Slavs and Teutons. N. Y., 1950, pp. 94—98,

после завоевания норманнами Поднепровья встретилось с уже ранее самостоятельно возникшим здесь в местной славянской среде словом *русь*, которое было сходно по звучанию и произошло от обозначения цвета волос — *русый*.¹⁵⁵ По мнению Смаль-Стоцкого, в Поднепровье славянское слово *русь* было социальным термином и прилагалось к высшему, правящему классу, в противовес понятию *чернь*, обозначающему низший класс населения. В Поднепровье, согласно концепции Смаль-Стоцкого, слово *русь* впервые возникло еще во времена готского завоевания (III—IV вв. н. э.), когда скандинавы-готы с русыми волосами покорили черноволосых славян и составили господствующий класс — *русь*, правивший угнетенными славянами — *чернью*; спустя пять веков поднепровские славяне перенесли имя *русь* на новых (тоже русоволосых) завоевателей-скандинавов.¹⁵⁶

Отдельные составные части концепции Смаль-Стоцкого не новы (хотя автор не ссылается на своих предшественников). Давно известны в литературе гипотезы о происхождении слова *Русь* из *Ruotsi* и из понятия *русый*, о возникновении слова *русь* из противопоставления понятий *русь* и *чернь* уже ранее писал Л. В. Падалка,¹⁵⁷ мысль о социальном значении термина *русь* высказывалась несколькими дореволюционными и советскими авторами.¹⁵⁸ Лишь мысль о происхождении слов *русь* и *чернь* во времена готского завоевания принадлежит самому Смаль-Стоцкому, но обосновать ее конкретными доказательствами невозможно, поскольку не сохранилось вообще никаких сведений о языке восточных славян III—IV вв. н. э.

Концепция Смаль-Стоцкого вызвала резкую (и вполне справедливую) критику в буржуазной науке. Основная его идея о некогда существовавшем противопоставлении понятий *русь* и *чернь* не может быть подтверждена показаниями источников III—IV или IX—XI вв. и потому повисает в воздухе, а с нею и вся концепция оказывается необидительной, не удовлетворяет требованиям современной науки.

Особняком среди других буржуазных исследователей при изучении рассматриваемого вопроса стоит американский историк-белоэмигрант Г. Вернадский. Еще с довоенного времени он придерживается мнения о местном южнорусском происхождении термина *Русь*.

¹⁵⁵ Следует отметить, что из всех разбираемых нами построений это — единственное, производящее слово *русь* из восточнославянского языка.

¹⁵⁶ R. Smal-Stocky. The Origin of the Word «Rus», pp. 9—14.

¹⁵⁷ Л. В. Падалка. Происхождение и значение имени Русь. Труды Полтавской ученой архивной комиссии, вып. 12, 1915, стр. 26, 34—35.

¹⁵⁸ Там же, стр. 14—15, 22, 26, 29, 34, 35, 38; В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. I. М., 1937, стр. 165—166; С. В. Юшков. К вопросу о происхождении Русского государства, стр. 52—58, и др.

Концепция Вернадского изложена в его книге «Древняя Русь»,¹⁵⁹ а также в других его работах.¹⁶⁰ Вернадский возводит термин *Русь* к языкам аланских племен (принадлежавших к иранской языковой семье) Северного Причерноморья II—IV вв. н. э. Он использовал опубликованный и комментированный В. Минорским текст из сочинения арабского писателя X в. Ибн-Русте, в котором упоминается аланский род по имени *DX sas*; поскольку *D* и *R* в арабских рукописях легко смешиваются, Мипорский предположительно восстановил это слово как *RX sas* и сравнил его с древним термином *роксоланы*, полагая, что, поскольку термины *алан* и *ас* в древности были взаимозаменяемы, название *Ruxs-Alan* могло звучать и как *Ruxs-As*.¹⁶¹ Первую часть составных слов *Ruxs-As* и *Ruxs-Alan* Вернадский производит от существующего в современном осетинском языке слова *rukhs* — 'светлый', 'сияющий' и считает, что оба указанных выше названия означали 'светлые асы', 'светлые аланы'.¹⁶² В упомянутом выше тексте из сочинения Ибн-Руста Вернадский нашел указание на то, что род *Rukhs-As* был наиболее выдающимся среди северокавказских алан.

К тому же корню *Rukhs* Вернадский возводит и упоминаемые в источниках VI в. этнические названия *Rogas* и *росомоны* (у Иордана), *Hros* (у Захария Ритора), а также все другие известные из источников I тысячелетия н. э. в Северном Причерноморье названия с корнем *рос* и *рус*. По мнению Вернадского, аланским родом *Rukhs-As* было подчинено одно из живших по соседству с ним в Приазовье славянских племен, воспринявшее затем и имя завоевателей; аланское *Rukhs* в славянском языке приняло форму *Русь*.

Однако, разработав концепцию о местном, южнорусском происхождении имени *Русь*, Вернадский не смог удержаться на последовательных позициях и при описании возникновения Древнерусского государства соединил свое построение с самым крайним норманизмом.¹⁶³ Путем субъективного толкования нескольких случайно вывчаченных данных из разных источников Вернадский пытается доказать, будто уже в середине VIII в. из Швеции

¹⁵⁹ G. Vernadsky. Ancient Russia, pp. 76, 87—88, 96—98, 105—108, 120, 129, 135, 139, 147, 257—262, 266—286. Критический разбор этой книги произвели М. Н. Тихомиров (Вопр. истории, 1946, № 4, стр. 124—129), С. П. Толстов (там же, стр. 113—124) и С. А. Покровский (Сов. гос. и право, 1946, № 1, стр. 84—88).

¹⁶⁰ G. Vernadsky. 1) The Origin of the name Rus'. Südost-Forschungen, 1956, Bd. XV, pp. 167—179; 2) The Origins of Russia, pp. 33, 63—64, 67, 68, 79, 174—180, 198—200; 3) Essai sur les origines russes. Paris, [1959], t. I, pp. 61, 110—112, 116, 117, 134, 135, 169, 170; t. II, pp. 294—353, 402—404; 4) A History of Russia. Ed. 5. New Haven, 1961, pp. 22, 27—31. См. также написанную им же главу о древней Руси в издании: Historia mundi, Bd. V. Bern, 1956, SS. 260—261, 275—276.

¹⁶¹ V. Minor sky. Hudud al-Alam. London, 1937, p. 445.

¹⁶² Современные осетины — потомки древних алан.

¹⁶³ G. Vernadsky. Ancient Russia, pp. 277—278.

в приазовские степи пришел отряд норманнов, подчинивший местные славянские и аланские племена, воспринявший их имя *Русь* и образовавший здесь древнейшее Русское государство. Позднее, в середине IX в., согласно концепции Вернадского, в северные восточнославянские земли приходит во главе с Рюриком новая волна норманнов, выходцев из Дании и Фрисландии, в частности из местности Рустринген, по названию своей родной области тоже названных *русью*. Северная (датская) и южная (шведская) *русь* с завоеванием Поднепровья сливаются в одно Русское государство.

В этом построении Вернадский искусственно соединил гипотетическую трактовку Минорским текста из Ибн-Русте, старую идею Ломоносова и Иловайского о происхождении Руси от роксолан, тоже старую гипотезу Хольмана о происхождении слова *Русь* от названия области Рустринген, гипотезу Беляева о датском происхождении Рюрика и рюриковой руси и др.

Построение Вернадского имеет свои достоинства, отличающие его от всех остальных построений буржуазных ученых. Вернадский был долгое время единственным буржуазным исследователем,¹⁶⁴ открыто отказавшимся от традиционной норманистской концепции происхождения слова *Русь* и разработавшим концепцию о местном, южном происхождении этого слова, т. е. стал в данном вопросе на точку зрения, сходную с мнением большинства советских ученых. По сути дела отказ Вернадского от традиционных норманистских воззрений по данному вопросу — от признания северного происхождения термина *Русь* и изначального тождества этого термина с понятиями 'норманны', 'шведы' — является ярким примером отхода современных норманистов от своих старых позиций, их отступления под натиском передовой науки.

Собранные Вернадским с большой полнотой разнообразные сведения источников о бытовании племенных и географических названий с корнем *рос* — *рус* в Южной России на протяжении I тысячелетия н. э. представляют определенный интерес и для советских исследователей. Однако в целом построение Вернадского, объединившее в рамках одной концепции ряд противоречащих друг другу гипотез, вызвало резкую критику и с позиций советской науки,¹⁶⁵ и со стороны буржуазных ученых.¹⁶⁶ Вернад-

¹⁶⁴ Кроме Вернадского, в буржуазной науке сходную позицию заняли позднее А. В. Рязановский и Н. В. Рязановский, но они не стали создавать самостоятельных концепций, а просто высказали мнение о местном, южном происхождении имени *Русь*, сославшись на общеизвестные показания источников (см. аннотацию неизданной диссертации: А. В. Р i a s a n o v s k y. The Norman Theory. . . , p. 4381, а также: А. В. Р i a s a n o v s k y. The Embassy of 838 Revisited. Some Comments in Connection with a «Normanist» Source on Early Russian History. Jahrbücher Geschichte Osteuropas, 1962, Bd. 10, II. 1, p. 9; N. V. R i a s a n o v s k y. A History of Russia, pp. 27—29).

¹⁶⁵ С. П. Толстов (ук. рецензия, стр. 120—121).

¹⁶⁶ В. М и н о р с к и й. Рец. на кн. «Ancient Russia». Slavonic and East European Review, 1945, v. XXIII, № 62, p. 551; F. D v o r n i k. The Making of Central and Eastern Europe, pp. 309—311; А. S t e n d e r - P e-

скому было справедливо указано, что положенное им в основу всего построения предположение о содержащемся в тексте Ибн-Русте упоминании аланского рода *Rukhs-As* гипотетично и совершенно недоказуемо, и на столь шатком фундаменте нельзя строить большую и сложную концепцию. Да и с лингвистической стороны данное построение сомнительно: из иранской формы *Rukhs* при переходе в славянский язык должно было образоваться не *русь*, а *рушь*.¹⁶⁷ Столь же сомнительны или вовсе бездоказательны и остальные гипотезы, включенные Вернадским в его концепцию, особенно гипотезы, связывающие его построение с традиционным норманизмом (о норманстве южной и северной руси, о датском происхождении руси, пришедшей с Рюриком в Новгород, и др.); тем самым оказывается сомнительной и вся концепция в целом.¹⁶⁸

* * *

Произведенный выше разбор концепций современной буржуазной науки по рассматриваемому нами вопросу показывает прежде всего, что н о в ы м и эти концепции можно назвать лишь весьма условно. Часть буржуазных ученых, языковеды Экллом, Хьерне, Хафстрём, Экбу, Мягисте и др., действуют в рамках старой традиционной норманистской концепции Куника—Томсена. Другая часть буржуазных ученых, преимущественно историки (Дрейер, Пашкевич, Вернадский, языковед и историк Смаль-Стоцкий), стремится разработать свои собственные оригинальные построения, но все они при ближайшем рассмотрении оказываются эклектичными, состоящими главным образом из различных комбинаций старых, давно существующих в науке гипотез, уже в прошлом не получивших общего признания из-за недостаточной аргументированности. Имеющиеся в рамках этих построений немногие действительно новые предположения оказываются еще более легко-

t o r s e n . 1) The Varangian Problem, p. 19; 2) Zur Rus' Frage, SS. 84—85; 3) Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 243—244; 4) Russian Studies, p. 39; H. P a s z k i e w i c z . 1) The Origin of Russia, pp. 110, 129; 2) The Making of the Russian Nation, pp. 118—119.

¹⁶⁷ A. S t e n d e r - P e t e r s e n . 1) Zur Rus' Frage, S. 85; 2) Четыре этапа русско-варяжских отношений, стр. 243—244; 3) Russian Studies, p. 39.

¹⁶⁸ В то же время следует отметить, что хотя концепция Вернадского и в целом, и в частности не выдерживает строгой научной критики, содержащуюся в ней мысль об иранском происхождении слова *Русь* не следует считать совершенно несерьезной. Ведь если предполагать давнее местное южное (в Южной России) происхождение данного слова (а к этому склоняется большинство марксистских ученых), оно могло не быть изначально славянским, поскольку наличие восточнославянского населения на юге нашей страны еще в первой половине I тысячелетия (или в первые века) н. э. вызывает в последнее время серьезные сомнения, а до расселения славян степи юга России были заселены прапоязычными племенами — скифами, сарматами, аланами. Поэтому иранское происхождение слова *Русь* теоретически возможно (хотя, разумеется, сейчас нельзя утверждать, что такое решение является наиболее вероятным).

весными, еще менее аргументированными или являются просто бездоказательными домыслами.

Однако было бы неверно думать, что новые попытки развить старые концепции и гипотезы ничего не дали науке; напротив, они принесли определенную пользу, дали определенный результат, но результат, диаметрально противоположный желанию авторов рассмотренных работ. Повторение старых концепций и отдельных гипотез и новые попытки усилить и углубить их аргументацию еще яснее показали слабые стороны этих построений, их неспособность дать убедительное решение изучаемого вопроса. Вместе с тем повторение и развитие старых гипотез позволило еще более развить и углубить их критику, использующую теперь новые достижения лингвистической и исторической науки. Так, попытки современных языковедов-норманистов найти достаточно аргументированную трактовку традиционной норманистской концепции значительно яснее и глубже, чем ранее, показали ее слабые стороны, и прежде всего чисто языковедческие трудности, из-за которых норманисты оказались до сих пор не в состоянии дать вполне убедительное лингвистическое построение о происхождении слова *Русь* из шведского языка. В равной мере новые попытки развить и обосновать старые гипотезы о возникновении имени *Русь* из цвета волос норманнов или непосредственно из названия племени роксоланов еще отчетливее показали уязвимые стороны этих гипотез, несоответствие их данным современной науки.

Для новых буржуазных концепций, разработанных преимущественно историками (за исключением совсем ненаучных построений Дрейера), характерно также, что их авторы находились под одновременным воздействием двух давно сложившихся различных направлений в изучении данной проблемы — норманистского, связывающего слово *Русь* с норманнами, и противоположного, связывающего его с местным населением юга России. Концепции Вернадского, Смаль-Стоцкого, Пашкевича в разной степени и в разных формах отразили воздействие обоих направлений. Более того, по существу в рассмотренных концепциях нашла новое проявление выдвинутая впервые более 40 лет назад советским скандинавистом В. Бримом¹⁶⁹ (и поддерживавшаяся одно время несколькими советскими учеными)¹⁷⁰ мысль о двойном происхождении слова *Русь*, о самостоятельном возникновении этого слова и на севере (в качестве обозначения норманнов), и в Южной России, и о слиянии обоих терминов во время прихода норманнов в Поднепрорье и образования Древнерусского госу-

¹⁶⁹ В. А. Б р и м. Происхождение термина «Русь». В кн.: Россия и Запад, I. СПб., 1923, стр. 5—10.

¹⁷⁰ Б. Д. Г р е к о в. Киевская Русь, стр. 226—228; В. В. М а в р о д и ц. Образование Древнерусского государства. Л., 1945, стр. 389—391. Позднее оба автора отказались от этой идеи.

дарства. Идея о двойном происхождении слова *Русь* в разных вариантах разрабатывается и Вернадским (выводящим этот термин на юге от роксолан, на севере — из фризской области Рустрингена), и Смаль-Стоцким (производящим это слово на юге от термина *русый*, на севере — из финского *Ruotsi*). В сущности не так далек от этой идеи и Пашкевич, признававший одновременно и северное происхождение слова *Русь*, и связь его с территорией среднего Поднепровья.

Концепции Вернадского, Смаль-Стоцкого и в значительной мере Пашкевича, использующие богатую аргументацию, накопленную к настоящему времени сторонниками обоих научных направлений, являются безуспешными попытками связать в рамках одного построения две взаимно противоречащие друг другу гипотезы — о южном и о северном происхождении слова *Русь*.

Все рассмотренные построения имеют еще один общий методологический недостаток. Норманисты-языковеды пытаются решить вопрос о происхождении слова *Русь* на одном только лингвистическом материале, совершенно игнорируя исторические данные. Авторы исторических построений пользуются почти исключительно историческими сведениями, не занимаясь всерьез данными языкознания. Между тем рассматриваемый ими вопрос о происхождении названия огромной страны и народа, названия, которое уже в IX—XI в. стало широко известно в Европе и Азии, — вопрос комплексный, его надо изучать и на историческом и на лингвистическом материале и обязательно при условии учета и использования всей суммы имеющихся данных. Все попытки решать его иначе заведомо обречены на неудачу.

То обстоятельство, что буржуазные исследователи вопроса о происхождении имени *Русь* в последние десятилетия возвращаются в порочном кругу старых построений и не могут выдвинуть ни одной серьезно обоснованной новой концепции, свидетельствует о том, что буржуазная наука в данном вопросе все более заходит в тупик и вряд ли когда-либо сможет найти вполне убедительное решение этой сложной и запутанной проблемы.¹⁷¹

¹⁷¹ В настоящей работе, преследующей лишь историографические цели, не предполагалось давать, в противовес критикуемым концепциям, какое-либо новое законченное научное построение. Проведенный в статье разбор концепций буржуазных ученых уже сам по себе должен был показать, сколь ограничен круг источников, сколь сложна эта проблема, сколь значительны трудности, стоящие перед исследователями. Как уже говорилось выше, большинству советских ученых представляется наиболее правильным мнение о местном, южном происхождении слова *Русь*, основывающееся на весьма веских данных источников. Однако это мнение еще нельзя считать окончательно доказанным. Думаем, что прав был Ф. П. Филип, говоря, что нельзя надеяться на быстрое и окончательное разрешение данной проблемы, что она еще в течение немало времени будет предметом научных споров и дискуссий (Ф. П. Филип. Образование языка восточных славян. М., 1962, стр. 292).